

Иван Иванович Неплюев

Записки

Родился я, Иван Неплюев, в 1693 году, ноября 5 числа, в воскресенье поутру, пополудни в 7 часов, в Новгородском уезде, в усадище Наволоке.

По неудачном под Нарву приступе отец мой, Иван Никитич, был при одном случае на службе и, возвратясь в дом, занемог, от которой болезни в 1709 июля 10-го умер, в среду поутру, на 38 году от рождения своего, оставя по себе одного меня, сына 16 лет, и недвижимого имения 80 душ.

Женился я по воле матери моей 1711 года сентября 9 дня, в воскресенье, на племяннице родной новгородского наместника Ивана Юрьевича Татищева, девице Федосье Федоровне Татищевой, получа за нею в приданое с небольшим 20 душ.

В 1712 году, августа месяца 19 дня, во вторник, родился мне сын, Адриан, в том же Новгородском уезде, в селе Поддубье*.

В 1713-м, ноября месяца, оставив жену мою беременну, отшел я по обещанию в монастырь.

В 1714 году, июля 14 дня, в четверток, родилась в мое отсутствие дочь Марья**.

1715-го, марта в первых числах, возвратился я в дом свой и в том же марте месяце взят на службу и, быв на смотре марта в 24 день у князя Меньщикова, написан в число назначенных обучаться в Новгороде начальных оснований математики.

Того ж года, июня в 29 день, присланным в Новгород указом повелено: выбрав 84 человека из тех начавших обучаться, отправить в Нарвскую школу, в которой учителем был навигатор Митрофан Михайлов, сын Кашинцов, а директорами над оной были обер-комендант Кирила Алексеевич Нарышкин, комендант Василий Григорьевич Титов.

В том же 1715 году, мая 4 дня во вторник, умерла в отсутствие мое мать моя Марфа Петровна, по отце из фамилии князей Мышец-ких, от рождения своего 43 лет.

Того же года, октября 1 дня, по присланному указу перевели нас всех в школу в Санкт-Петербург, которой школы был держа-

* Который от рождения своего на 38 году, будучи статским советником и резидентом в Константинополе, в 1750 году ноября 8 дня скончался. — *Примеч. авт.*

** Которая, быв в замужестве за вице-адмиралом Римским-Корсаковым, оставшись после его вдовою, в 1769 году скончалась. — *Примеч. авт.*

телем француз Баро; она была под ведением адмирала Федора Матвеевича Апраксина и генерал-майора и обер-штер-кригс-комиссара Григорья Петровича Чернышева; потом она поручена была Андрею Артамоновичу Матвееву. В той школе было нас обучающихся 300 человек.

1716-го, по указу царского величества, велено выбрать из той школы 20 человек и отослать в Ревель ко флоту, в числе коих был и я, Неплюев. На дорогу каждому из нас дано по 30 рублей. А жена моя осталась беременною и 1 числа родила сына Ивана.

По прибытии нашем в Ревель, марта 31 дня, определены мы адмиралом во флот гардемаринами, при чем выданы нам из казны парусинные бостроки, а жалованья определено на месяц по 2 рубля по 40 копеек; порция ж производилась нам: сухарей по 2 пуда по 10 фунтов каждому, гороху по 15 фунтов, круп по 15 фунтов, соли 2 фунта с четвертью, муки ржаной на квас один четверик, вина 25 чарок, уксусу полторы кружки, рыбы вялой по 6 фунтов, ветчины по 19 фунтов.

Апреля первого дня определен я на корабль *Архангела Михаила*, на коем капитан был англичанин Рю, а со мною на том же корабле были гардемарины: Василий Квашнин-Самарин, Василий Татищев, Семен Дубровский, Степан Коновницын, Семен Мордвинов, Ефим Цимерманов, Петр Кашкин, Иван Алексеев, Петр Порохов и Алексей Арбузов. Тот корабль *Архангела Михаила* был о 52 пушках, в воде ходу 16 $\frac{1}{2}$ фут; матросов на нем было 300, солдат 200 человек.

Апреля 17 дня выплыли мы из гавани.

В мае 19 числа выступили в поход под командою капитан-командора Сиверса к Копенгагену.

29 числа того же месяца от острова Борнгольма принуждены были поворотиться, потому что шведский флот лежал у острова Ругена.

Июня 30 дня прислан от его царского величества капитан Румянцев с указом, дабы флоту неотменно плыть в Копенгаген, почему оный от Ревеля опять в путь отбыл, а в сей эскадре находились корабли следующие: *Ингермоландия*, *Екатерина*, *Полтава*, *Михаил*, *Гавриил*, *Рафаил*, *Фортуна*, *Арендель*, *Илия*, *Иланедоф*.

Июля 18 дня остановились мы в виду Копенгагена и бросили якорь, и того же числа соизволил приехать его царское величество к нам на флот и был некоторое время у командора на корабле *Екатерины*.

19 числа приезжал к нам вторично и, сев на корабль *Ингермоландию*, поплыл весь флот ближе к Копенгагену, и стали на якоре против оного, а там уже находилось 12 новых наших кораблей, пришедших от города Архангельского, где оные прибытия нашей эскадры ожидали. В то ж время тут же на рейде были 6 голландских военных

кораблей при их командире и 15 английских при их адмирале, и множество купеческих.

Августа 5 дня его царское величество повелел на корабле своем поднять императорский штандарт, при чем с того же корабля выпалено из 27 пушек; равные ж сему выстрелы и со всех наших кораблей производились, чему последовали как датские, так английские и голландские военные корабли. И все наши, как и иностранных наций, военные и купеческие корабли выступали от Копенгагена в поход под команду его царского величества. Доплыв до Борнгольма, бросили якоря, откуда голландские военные и торговые корабли отпущены в Ревель.

Того ж августа 14 дня повелел его царское величество снять императорский штандарт и, выпалив притом из одной пушки, возвратился на корабль *Ингермоландия* в Копенгаген, а в конвое за ним отправились корабли *Фортуна* и *Арендель*; прочие ж наши корабли перешли под шведский берег и стояли при оном до 2 числа сентября, которого прислано повеление всем нашим кораблям приближаться к Копенгагену.

28 числа того ж месяца его царское величество, будучи на корабле *Ингермоландии*, изволил смотреть всех нас, гардемаринов, и выбрал для посылки в Венецию (в числе коих находился и я, Неплюев) 30 человек для обучения мореплаванию на галерах да во Францию для обучения мореплаванию на кораблях 20 человек, туда ж для обучения архитектуры 4 человека.

29 числа перевезли всех нас, выбранных с кораблей, в Копенгаген, где его величество повелел послу своему, князю Василию Лукичу Долгорукому, выдать нам на дорогу по 6 ефимков сверх прежнего жалованья и отправить в Амстердам, а сам изволил отбыть, и с ее величеством государыней царицей, в Голландию.

Августа в последних числах отшедшие от нашего флота голландские корабли возвратились обратно из Ревеля, почему мы 2 числа октября отправлены флота того к командору, именуемому Граве, который находился на военном корабле *Бутлер*, а тот был о 64 пушках. Командор приказал нас разделить по всем своим кораблям; я достался на корабль 52-пушечный *Браколь*; капитан на том корабле назывался *Флозбек*, а всех людей было 270 человек, и с офицерами.

14 числа отплыли мы в море 20 миль, а потом, за противным ветром, стали на якорю близ датского берега и против шведского города Готенбурга, где, простояв трои сутки, принуждены были назад повернуться к Гельзенгеру (а между тем шведский капер взял в полон 3 купеческих голландских судна), где мы, простояв до 26 числа и не надеясь получить способного ветра, послали от нашей компании Петра Салтыкова в Копенгаген просить от посла дозволения

ехать в Голландию сухим путем, что нам было дозволено, с тем чтобы ехали, буде пожелаем, на своем коште. Будучи на голландских кораблях, платили мы за пищу каждый на неделю по полтора ефимка, а за порцию выдано нам было деньгами.

27 числа перебрались мы с кораблей на берег и, получив паспорт, выехали из Копенгагена на почте. Накануне ж нашего отъезда бежал от нас один из наших товарищей, Кастюрин, в датскую службу, в солдаты. На каждой почтовой фуре сидело нас по 4 человека и, уговорясь с датским почтмейстером, заплатили ему до Гамбурга по 15 рейхстарелов с каждого, с тем чтоб как довести до одного города, так и в пути кормить в сутки по однажды, а за постой и ни за какие другие расходы более ничего не требовать. Путь наш был через Голштинию.

В Гамбург прибыли мы 11 числа того ж месяца. В Гамбурге за квартиры платили мы на сутки каждый по две гривны и, наняв тут подводы до Амстердама, с каждого человека по 12 ефимков, кроме пищи, выехали 15 числа.

В Амстердам прибыли мы декабря 27 числа и немедленно явились у его царского величества.

1717 года января с 1 числа соизволил он определить нам на каждого человека кормовых денег по червонному на неделю, которых денег нам на пищу и довольно было, а за квартиру платили мы каждый на неделю по 20 алтын. При его величестве тогда в Амстердаме были министры: Гаврила Иванович Головкин, Петр Андреевич Толстой, Петр Павлович Шафиров, посол князь Борис Иванович Куракин, генерал-лейтенант и кавалер князь Василий Володимирович Долгорукий, генерал-лейтенант же Иван Иванович Бутурлин, его царского величества кабинет-секретарь Алексей Макаров да Московского денежного двора комиссар Тимофей Тимофеев сын Левкин, а по простому прозванию Топор, а был он для продажи государевых припасов.

Февраля 8 числа послано нас в Венецию 27 человек, и двух изволил оставить в Амстердаме, а третий, Иван Воробьев, в Амстердаме умер. На дорогу дано нам по 25 червонных каждому; с нами послан указ к агенту в Венецию, за рукою Шафирова, и паспорт, за рукою агента Фандебурга.

В Венецию прибыли мы 23 числа, издержав в пути каждый на все расходы и на пищу по 24 червонных, — где явились у господина агента Петра Ивановича Беклемишева. А в то же время в Венеции находился его царского величества тайный советник Савва Владиславович Рагузинский.

Мая 10 дня Венецианская республика, по старанию его, агента, определила нас в свою службу, и дан был указ в определении во

флот генерал-капитану, с коим нас к оному и отправили. На пищу в пути дал нам агент 20 цехинов.

Мая 30 числа прибыли мы в Корфу и тут на имя агента заняли у грека Арсения Квартана 80 цехинов.

Июня 1 дня подали мы от республики Венецианской указ генерал-капитану, который, по прочтении оного, объявил нам, что он прикажет принять нас на галеры по два человека, и чтоб мы дали ему известие, кто с кем на галере быть желает; почему я и определен на галеру, именуемую *Жентела*, с Васильем Татищевым, а из нашей компании три человека: Шипилов, Аничков и Абрютин — остались на галерах. *ЕЖентеле* пушек было 21, весел 50; конданадов, скованных для гребли, было 200, матросов 15 человек; на ней же один писарь, который был вместо комиссара, лекарь один, унтер-офицеров морских 2, комит 1, карон 1, песта 1, подкомит, парондин 1, капо-дапо-школя 1, который имел команду над конданадами, солдат италиянцев 64 человека, при них капитан 1, подпоручик 1, прапорщик 1, славян 18 человек, при них два прапорщика. Флот состоял из 19 галер венецианских, 9 галиотов, 6 фуст, 4 бригантин; папезских галер было 4, малтийских 5, флорентийских 2 галеры; малтийский генерал шел с своими по правую сторону генерал-капитана, а венецианские галеры по левую. Сверх того, при нашем флоте было португальских 7 кораблей, малтийских 2, венецианский 1. О вояже нашем, бывшем в сем походе, описано мною пространнее в особом журнале.

1718-го генваря 10-го князь Михаила княж Андреев сын Прозоровский бежал от нас с иеромонахом Филиппом, монастыря Святого Павла, бывшим в Корфу для собирания милостыни, в Афонскую гору. Через некоторое время вышедший из турецкого плена россиянин Яков Иванов и бывший в той Афонской горе отдал нам от него, Прозоровского, письмо следующего содержания:

«Мои государи, предражайшие братия и други! Понуждающая мя ревность моя до вас и не оставляет усердия сердца моего любви вашей и приятности, сущие являемые многие в прешедшую довольную бытность мою всегда с вами конечно удостойте забвению сице, ныне Господу моему тако Своими праведными судьбами изволившу устроити о моем недостоинстве; обаче от горячести любви моя к вам понудихся при отшествии моем от вас и отлучении сопребывания вас, моих предражайших друзей, сию малую хартию начертати, не яко да оскорбитесь о мне, но любовь да познаете, юже имех к вам; вас же молю любезно и прошу Самим Господом моим, да устроити тако и исполнити все яко же при сем конечная и последняя моя всепокорная просьба до вас явилась. Егда Господу содействующу и по воле Его Божеской благоволите получить неколикое число денег ко мне от отца моего, пожалуйте сотворите знамение совер-

шенныя любви вашаея со мною и не токмо ради моего сея до вас просьбы, но за любовь Бога, всех заповедавшего друг друга преискреннее любить и обещавшего Самому между оных пребывать и любви Его совершенной быти в нас; аще ты заповедь Его и заочно соблюдаем ко другу, вем, яко угодное Ему в том будем творити, за что оное мое слово повторяю и прошу: не точию меня ради самого, но и требующа сотворити милость в том святому монастырю преподобного отца Павла Афонского, которого молитвами да дарует вам Господь Всемилостивый во всем богатую Свою милость. А наипаче всех тебя прошу о том, мой государь и прелюбезный друг Семен Леонтьевич, изволь по своей ко мне являемой прежней любви и сущия приятности оныя мои деньги препроводити, улуча некий благоприятный случай с приключаемыми некоторыми корабельники, хотящими путь свой иметь до наших Святыя Афонския горы, а наиболее согласясь о той посылке с Яковом, который вам сие письмо мое вручит; а он, надеюсь, в том вашей милости учинит помощь совершенную в оном. О деньгах так же прошу все по росписи моей, которую я дам ему за деньги его; по той упомянутой все пожалуйте ради Самого Бога, не издержав ничего от того, соизволите отдать, в чем на вашу милость и приятность остаюсь во благой надежде. О мне ж всепокорно молю, да не возымеете яковую скорбь или сомнение о мне, понеже бо отлучихся от всех вас без всякого вашего о том совета, хотящему всем человекам спастися сицевым образом, и о мне содеявшу, да не вящше вам скорбь на скорбь очевидным разлучением с вами и некоторым сетованием, но сугубо прошу и усердием моего сердца молю купно всех моих предражайших другое и прелюбезных клевет. А еще кого в чем оскорбил или прогневал кого из вас буйством моим и невежеством во время моего пребывания с вами, да оставите весь оный долг мой за послушание и за исполнение глаголющего: «остави нам долги наша, якоже и мы оставляем должником нашим». При всех сих препоручая вас Богу, в Троице единому, изливающему благодать Свою изобильно на вся человеки, Который есть Всевидящее Око, а еще провидя каждого человека ревность и желание ко благу от младенства суще, устроя-ет по судьбам Своим праведным оное ко исполнению и совершению во время Своея к тому содействительныя божественныя воли содевати, якоже и ныне и на мне сотворив, не отринув прошения моего и всегдашнего сердца моего желания, не лишив мя, на Него же и во всем и во веки уповаю и благодарю Его сим о мне неизреченную отеческую благость; желаю вам всем, при окончании моего писания сего, от Господа во многие лета во благосостоятельном здравии пребывать, и дабы Царь царствующих и Господь господствующих сподобил вас коегождо во изрядном веселии присных своих родителей, по возвращении вашем в отечество, лицом к лицу видети и в

радостном пребывании завсегда быти, при котором моем до вас желании сущем остаюся препокорным к вам, моим милостивым приятелям и прелюбезным друзьям, слугою князь Михаиле Прозоровской, а Богу соозволившу во иноцех недостойный Сергей, должное мое поклонение купно всем вам пресмиренно отдаю».

О всем вышеписанном донесли мы господину агенту Беклемишеву.

17 числа увидели мы из печатных авизий*, что государь царевич Алексей Петрович поехал из Неаполя в Петербург.

23 февраля фельдмаршал на галере *Дунае* поехал от Корфу в Превезу.

Марта 4 числа, на первом часу дня, нашли мы на улице российского гардемарина Василья Федоровича Квашнина-Самарина заколота шпагою, а кто его заколол, того хотя никто и не видел, но явились многие прилики на нашем же гардемарине Алексее Афанасьеве сыне Арбузове. И по тем приликаим я, Иван Неплюев, со всеми своими товарищами его, Арбузова, отдали под караул и донесли о сем генерал-капитану; почему он приказал Арбузова отвезть на галеру и, сковав в железо, держать под караулом, а наш словесный извет записать в канцелярии. Тело убитого Самарина погребли мы в тот же день при церкви Святого Спиридона; а потом Арбузов был допрашивай и осматривай; а что в допросах он и другие показали и в коей силе, мы о сем писали к господину агенту, то значит ниже сего.

Копия с письма нашего к господину агенту Беклемишеву

«Милостивый к нам государь Петр Иванович! Доносим вашему благородию: сего марта 4 числа, на первом часу дни, пришел на квартиру к Ивану Алексеевичу солдатский капрал и сказал, что ваш-де один русский дворянин лежит заколот на улице, а кто его заколол, того я не ведаю. И по оным словам Иван Алексеев с товарищи своими Петром Пороховым и Алексеем Белосельским пошли на оное место и пришед увидели, что лежит заколот наш гардемарин Василий Федоров сын Квашнин-Самарин, а снято у него только парук, шпага, шляпа, запонки и пряжка от башмаков, — о чем они объявили по другим нашим квартирам. И Иван Алексеев в другой раз пришел с Иваном Неплюевым к телу Василия Самарина; тут же был и Алексей Арбузов и некоторые офицеры и солдаты, и тогда Иван Неплюев разодрал на мертвом рубашку и, подняв его за голову для осмотра ран, увидел рану в правом боку близ грудей, и в той ране его нашли шпажной конец клинка. Потом собрались и другие наши товарищи, и Алексей Арбузов говорил всем, что «вечер-де он, Васи-

*Avviso (*итал.*) — известие. — *Здесь и далее примеч. Л. Н. Майкова.*

лий Самарин, был со мною в редуте*, и вышли-де мы из редута вместе в 3 часу ночи и, на дороге с ним разлучась, пошли на свои квартиры, а кто его, Василья, заколол, про то он, Алексей, не ведает». И потом с того места тело мертвое перенесли на квартиру его, Васильеву, и доложили в канцелярию; а из канцелярии прислан был подьячий для осмотру мертвого тела, и тогда осмотрели на нем 7 ран шпажных. И потом поговорили мы меж собою все, чтоб нам собраться в один дом и показать друг другу свои шпаги, для всякого себе оправдания, что у всех ли целы клинки шпажные. И тогда Иван Павлов, сын Зиновьев, сказал: «Вечор-де, в 3 часу ночи, пришел на квартиру Алексей Арбузов и лег с нами спать» (понеже он, Иван, и брат его Петр Зиновьевы стояли тогда с ним, Алексеем, на одной квартире). Он же, Иван Зиновьев, сказал: «А сего-де утра Алексей Арбузов встал очень рано и замывал свой кафтан и полотенцем отирал руки и кафтан, и он, Иван, его, Алексея, спросил: «Чего ради ты, Алексей, замываешь свой кафтан?» И он, Алексей, сказал: «Вечор-де я был пьян и облил свой кафтан красным вином». И потом мы, Василий Татищев, Степан Коновницын, Ефим Цимерманов, Семен Дубровский, Иван Алексеев, Петр Порохов, Алексей Белосельский, Тимофей Щербатой, Иван Кайсаров, Иван Кукарин, Артемий Толбухин, Яков Рославлев, Иван Зиновьев, Петр Зиновьев и Алексей Арбузов, пошли на квартиру Ивана Алексеева и показывали друг другу свои шпаги. И как Алексей Арбузов вынял свою шпагу, тогда увидели все, что у его шпаги клинка конец отломлен и притачивай вновь, и тогда тот конец, который вынели из раны у Самарина, примерили к его, Алексеевой, шпаге и к ножнам, и означило, что тот конец от его шпаги. И он, Алексей, сказал тогда, будто у него, как сломана шпага и приточена, тому прошло дней 15. И потом осмотрели на кафтане его, Алексея, наперед и на рубашке назади у ворота кровь. Потом пошли из той квартиры вон, и тогда мы, нижеподписавшиеся, поговорили меж собою, что явились на Алексея Арбузова многие прилики; и опасаясь гнева его царского величества, о сем умолчать мы не смели. И того ж часу мы, нижеподписавшиеся, Алексея Арбузова взяли, отдали под караул у градских ворот и донесли на словах господину генерал-капитану о Алексея Арбузове, и какие на нем явились прилики; и его превосходительство генерал-капитан Алексея Арбузова приказал взять и отвести на галеру и сковать в железа, где он, Алексей, и доньне сидит; а наш словесный извет приказал записать в канцелярию. И того ж часа шпага Алексея Арбузова и конец шпажный, который вынят из мертвого тела, приняты в канцелярию, а вышеписанные наши изветные слова записаны именем Ивана Неплюева. При оной записке его, Ивана Неплю-

ева, допрашивали: бывали ль у Алексея Арбузова с Васильем Самариным наперед сего какие ссоры и драки или какие похвальные меж ими слова; и он, Иван Неплюев, сказал, что у них наперед сего ссоры и драки были в Венеции, в Корфу сея зимы, и Алексей Арбузов после драки в Корфу говорил: «Ежели-де Василий Самарин напредки будет меня бить, то я его заколю, понеже я с ним драться не смогу». И того ж 4 числа, в 10 часу дня, Алексей Арбузов против вышеписанного нашего словесного извету допрашивай и осматривай, а что он, Арбузов, в допросе своем сказал, и что по осмотру на нем явилось, то явствует в деле. И того же числа, в 10 часу дни, Иван Павлов, сын Зиновьев, нашел на квартире своей то полотенце, которым Алексей Арбузов отирал свои руки и кафтан того утра, а то полотенце было в 6 местах в крови; и он, Иван, отдал то полотенце Василию Татищеву при свидетелях, и того ж часа оное полотенце взято к делу в канцелярию. Один балбир* грек сказал Ивану Неплюеву при свидетелях, что: «сего числа, на первом часу дни, пришел ко мне в лавку один ваш русский дворянин в зеленом кафтане и говорил мне, чтоб я ему заточил конец шпаги, а я ему отвечивал: «господин, весьма рано, не могу вам сего сделать для того, что не имею другого человека, кто б вертел точило»; и он мне сказал, что «я сам буду вертеть»; потом тот ваш московский дворянин вынял свою шпагу без конца и дал мне, а сам вертел точило, и я ему конец у шпаги приточил и взял с него за работу две шолты»**. Потом Иван Неплюев оного балбира вышеписанные слова записал в канцелярии. Вышеписанный балбир в канцелярии допрашивай и в допросе своем не запирался. Потом Василий Татищев да Степан Коновницын допрашиваны были, по каким приликаим взяли Алексея Арбузова и отдали под караул и были ль у Алексея Арбузова с Васильем Самариным наперед сего какие ссоры и драки или какие похвальные между ими слова; и они в допросах своих сказали против вышеписанного. И о том же допрашиваны Андрей Сухотин да Ефим Цимерманов, и они в допросах своих сказали против того ж. 7 числа в том же допрашивай Семен Дубровский и все прочие, и они в допросах своих сказали то же. По всему вышепрописанному докладывали мы еще генерал-капитану 18 числа сего месяца, на что его превосходительство нам отвечал, что «сие дело еще не кончено, а когда окончится, тогда я прикажу вам дать знать». Апреля 1 числа уведомились мы, что генерал-капитан о сем происхождении писал в Венецию в сенат. Остаемся вашего благородия всепокорные слуги, гардемарины Иван Неплюев, Василий Татищев, Степан Коновницын, Семен Дубровский, Андрей Сухотин, Ефим Цимерманов. От Корфу, апреля 2 дня 1718 года».

* Ridotto (*итал.*) — игорный дом.

* Barbieri (*итал.*) — цирюльник. ** Soldo (*итал.*) — копейка.

Выписка из экстракта по сему делу

«1. В допросе сиделец из трактира показал: Сего-де марта 3 числа были в трактире двое московских дворян, один в зеленом, а другой в сером кафтанах; сидя за особым столом, двое играли в карты, а в какую игру, того он не знает; денег у них на столе не было и крику между ими не происходило; а как пробило ночи 2 часа, то один другому махнув рукою, пошли вместе, а куда, того он не ведает.

2. Жители у того места, где найдено мертвое тело, показали: кто заколол одного московского дворянина, того они не видали и не знают.

3. Один русский человек, Дмитрий Федоров, который находится в венецианской службе в папешском полку солдатом, показал: был-де он, Дмитрий, на галере *Баушард*, и ему, Дмитрию, Алексей Арбузов сказывал, что он заколол Самарина.

4. По присланному из венецианского сената указу велено генерал-капитану Алексея Арбузова допросить против вышеписанного; а в допросе он показал: «Василья Самарина я, Алексей Арбузов, заколол по сей причине: пошли-де мы оба из трактира в третьем часу ночи, и Самарин звал меня на свою квартиру табаку курить, а на дворе схватил он меня за уши и, ударив кулаком в лоб, повалил под себя и потом зажал рот, дабы не кричал; а как его, Васильев, перст попался мне в рот, то я его кусал из всей силы; а потом просил у Самарина, чтобы меня перестал бить и давить, понеже он пред ним ни в чем не виновен, на что ему Самарин отвечивал: «Нет, я тебя не выпущу, а убью до смерти». Почему я, Алексей, принужден был, лежа под ним, левою рукою вынуть мою шпагу и, взяв за клинок возле конца, дал ему три раны, а потом и четвертую; почему он, Самарин, с меня свалился на сторону, от чего и шпага моя тогда переломилась; а я, вскоча и забыв на том месте парик и шляпу, побежал прочь, а потом для забраня сих вещей назад воротился и, увидев Самарина лежаща бездыханна, побежал на свою квартиру и, пришед на оную, кафтан мой замывал и назавтрее к балбиру шпагу затачивать ходил». И прибавил: «А прежде я в том для того не винился, что не надеялся, чтобы меня здесь судить стали, а думал, что отошлют к моему государю, пред которым я бы ни в чем не заперся. Когда же меня судить велено, то я во всем вышеписанном признаюсь и винюсь по сущей правде».

Копия с письма к матери покойного Самарина

«Моя государыня Наталья Алексеевна! Не можно умолчать, чтоб вам не донести, хотя то и опечалит старость вашу, что случилось здесь в Корфу: сего марта 4 числа нынешняго года, во вторник вторья недели Великого поста, в первом часу дни, сына вашего Василья Федоровича нашли на улице заколота, а кто его заколол, того никто не ведает; однако же того ж числа явились многие прилики

на торопчанине, дворянине Алексее Арбузове, по коим мы его, Арбузова, взяли и, отдав под караул, донесли о нем господину генерал-капитану, и его превосходительство приказал его, Арбузова, взять на галеру, где он и поныне сидит скован; а наш извет записан в канцелярии моим именем; и он, Арбузов, допрашивай, о чем здесь дело производится. Пространнее же сего дать вам знать не можно, понеже еще дело не кончилось; а чем оно вершено будет, о том до вашей милости писать не оставлю. Тело же сына вашего погребено у греческой церкви, в коей лежат мощи святого Спиридона Трими-фунтского; денег по смерти сына вашего ничего не осталось, а что было его скарбу, также кафтан и рубашки, то все продано за 10 червонных, которые и роздал я на поминование души его по греческим церквам; в прочем пребываю ваш слуга Иван Неплюев».

Прошедшего марта 1 дня состоялся указ, чтоб цехину быть по 31 фунту, почему с того числа давали нам жалованье на месяц по 2 цехина без фунта.

В ту нашу бытность в Корфу получили мы из Венеции от господина агента Петра Ивановича Беклемишева от 1 числа мая 1718 года письмо следующего содержания:

«Писание ваше, писанное ко мне из Корфу, я здесь получил во всякой целости, из которого выразумел о приключившемся случае, а именно чрезвычайном несчастье умершего господина Квашнина-Самарина, который был заколот и найден на улице, и по суспекции на Алексея Арбузова некоторых прилик в том приключении оный г. Арбузов взят за арест по повелению его превосходительства господина генерал-капитана Пизани; и ваша милость о приключившемся случае, здесь выше помянутом, в своем известии, писанном ко мне, с некоторою подробностью дали знать, о котором приключении происшедшем, при оказии обыкновенной почты, по моей рабской повинной должности доносил ко двору его царского величества, и какой указ на то получу, об том к вам буду писать; а между тем ваша милость не извольте оставить меня без известия, что будет впредь чиниться. По сем известую вам, что извольте всей своей компании объявить вообще, что по сие время ни писем, ни векселей никому не получил, и как получу, не удержав ни моменту, к вам отправлю. Сим сокращая, остаюсь вашей милости готовым слугою Петр Беклемишев».

Копия с аттестату, каков дал мне, Неплюеву, супракомито Виценца Капелло

«Господин Иван Неплюев, один от дворян московских, был на моей галере в общей кампании прошедшей и во всем показал себя в науке галерного мореплавания способным и искусным; таков усмотрел я его существенный кураж, показанный от него в случае корабельной

баталии с флотом турецким, бывшей 10 июля 1717 года, в порте Пагания в голфе Елеус, понеже тогда была куннона баталии и армата *Сутуля*, и при взятии фортец Привезы и Вонницы, как были осаждены от венециан, такоже и при осаде города Дульцина*, нынешнего 1718 года. И о показанных его изрядных делах я усмотрел сам во всех оных случаях и даю ему сие на справедливости основанное свидетельство для доказательства о его службе и достоинстве. Дан в Корфу, генваря 1 дня 1718 года, штиль новый, Маре Венето». Подписал оной *Жентелеи* своею рукою *Виценцо Капелло* супракомито во уверение.

(В Венеции год начинается с марта 1 числа).

***Копия с атестату, какой дал мне венецианский
генерал Пансквалиго для большего свидетельства
сверх вышеписанного***

«Мы, Жорзий Пансквалиго, проведитор-генерал морской с полномочием генерал-капитана, между молодых московских дворян, которые по благодееанию возвышенного сената были содержаны в галерном венецианском флоте со удовольствием всяким для научения практики и обыкновения военного, — из них господин Иван Неплюев обе прошедшие кампании был содержан на галере дворянина Виценца Капелло супракомита, с оным был на баталии с турками 19 числа июля, штиль новый, 1717 году, в заливе Елеус, в порте Пагания, и при взятии двух фортец, Превезы, Вонницы и при крепкой осаде фортецы Дульцина от венециан. А ныне оный господин Неплюев по указу отзывается во свое отечество; того ради даем ему для подтверждения вышеписанного сие наше свидетельство, которое ему во уверение о себе объявить своему монарху. Дан в Корфу 1 числа февраля 1718 года, Маре Венето». У подлинного подписал своею рукою *Жорзий Пансквалиго*, проведитор-генерал морской; у подлинного печать. Приписал *Цезаре Ваннаго*, секретарь; на стороне приписал «рагионат [ре]гистрато», волдир**: он же и вписал в книгу.

1719 года генваря 11 дня получили мы от агента Беклемишева письмо из Венеции от 18 числа ноября прошедшего году; а в том письме он нам пишет, чтоб мы, получа оное письмо, по указу царского величества ехали все вместе в Венецию; а к генерал-капитану Андрею Пизани из сенату указ послан, чтоб нас отпустить и дать бы нам имбарко*** и прочее, что нам принадлежит, до Венеции.

* Пагания, Превеза, Вонница и Дульциньо — укрепленные города на турецком берегу Адриатического и Ионийского морей.

** *Vuol dire (итал.)* — то есть.

*** *Imbarco (итал.)* — снаряжение.

Того ж генваря 14 числа проведитор-генерал Пансквалиго объявил нам, что он таковой указ имеет, но приказал дожидать okazji в Венецию.

Того ж генваря 27 числа дал нам оный генерал вышеписанные атестаты и жалованья нам выдал впредь на проезд марта до 5 числа и дал нам ордер, чтоб ехать в Венецию на военном корабле *Сант-Гайтано* при генерал-проведиторе Деизоле и кавалере Антоние Ло-редане и садиться бы нам на тот корабль, когда прикажет.

2 февраля генерал-проведитор демаре Пансквалиго объявил о ранге своем указ, и на *Баиштарде* галере поставили три фонаря на корме, и сего числа надел он, по обычаю их, красное платье и шляпу и башмаки красные и шел в церковь свою с церемониею в особой одежде, и при нем шли все командиры, как морские, так и градские.

Февраля 3 числа сели мы на корабль; оный в 78 пушках, капитан итальянец Жорзий Фокинето, матросов 60 человек, солдат славян и итальянцев 200 человек. А Алексей Арбузов послан с нами в Венецию под караулом в железах на том же корабле.

7 числа ввечеру генерал приказал: на корабль.

8 числа поутру, то есть неделя Сырная, пошли от Корфу и подняли на гротстенге генеральный флаг четверугольный так, как адмирал имеет.

Прибыли в Венецию 20 числа и легли на якорь во 2 часу, за 15 миль от Венеции.

21 числа поутру пришли 20 пехот, сиречь лодок, и взяли наш корабль на букшир и ввели в гавань, и легли в гавани на якорь того ж числа в 16 часу.

22 числа генерал Лоредан поехал в карантин, а когда он ехал, тогда салютовали его с того корабля из 7 пушек.

24 числа февраля прислал к нам агент Льва Семенникова и с ним прислал к нам 5 цехинов, а 26 числа еще 4 цехина.

27 числа свезли нас с корабля в карантин и дали нам каморы безденежно, а за барку заплатили мы два цехина. Карантин или контумация учреждена, дабы не спускать ни с кем приезжих, опасаясь морского поветрия.

28 числа агент сам был для разведывания близ карантина нашего и переслал к нам 22 цехина.

Марта 3 числа прислал еще к нам 6 цехинов.

Марта 12 числа приезжали к нам еще в карантин Савва Владиславович Рагузинский да агент господин Беклемишев, и дал нам агент 12 цехинов.

18 числа марта приезжал от агента Лев Семенников и привез нам 10 цехинов; итого получили от агента с 24 числа февраля марта по 25 число 59 цехинов, из чего пришло нам, 22 человекам, на всякий

день по 2 фунта, волдир: русским счетом по две гривны. А когда прибыли мы на контумацию, то первого дня осматривали у нас в баулах весь багаж.

24 марта поутру приехал к нам от агента Лев Семенников с большей баркой и привез нам денег 102 фунта и 18 шолт; из оных денег заплатили мы гвардану* за 27 дней по 44 шолты на день, итого 59 фунтов 18 шолт, да финту**, который нас свез с корабля, 15 фунтов. Он же привез нам ордер о выходе из карантина, за то ему дали 11 фунтов, да за ордер на канцелярские расходы 10 фунтов, что учинит 102 фунта 18 шолт; и того ж часу съехали мы на оной барке в Венецию и стали в одном месте все, в локанде дей ре каруны***. Господин агент платил за нас государевых денег за пищу, за каморы, за постели и за свечи на день за всякого человека по 3 фунта с половиною, волдир: русским счетом по 10 алтын и 10 денег. По прибытии нашем в Венецию по указу его царского величества господин агент сделал нам мундиры: кафтаны темно-серые, обшлага и отвороты красные, камзолы красные, штаны серые ж и шляпы; а Татищеву, Дубровскому, Коновницыну, Щербатову и Алексееву мундиров не дано, понеже в письме его царского величества за его собственною рукою к агенту написано, чтоб сделать платье убогим, которые платья не имеют. Жили мы в Венеции 12 дней.

4 числа апреля господин агент объявил нам его царского величества указ, что нас повелено отправить в Гишпанию, с тем чтоб нам быть в службе гишпанского короля на галерах гардемаринами, и объявил нам, что ехать надлежит через Ливорну, и порядил одного флорентинца курьера, чтоб довезти нас до Ливорны, а на проезд от Венеции до Кадикса, гишпанского порта, дал нам агент по 30 ефимков каждому да мундир всякий стал по 21 ефимку, итого по 51 ефимку или рублю на человека; и в тех деньгах некоторые из нас расписались, с тем что ежели государь укажет взять те деньги из домов наших, то мы их платить обязуемся. Он же, агент, заплатил за нас 80 цехинов, которые мы заняли у Арсения Квартана в Корфу, и в тех деньгах дали все вексель. Из оных 30 ефимков до Ливорны за провоз и за каморы и за постели и за багаж и за пищу дали мы оному курьеру по 8 скудей флорентийских, а всякая скуди по 11 фунтов венецианских с половиною, итого по 4 цехина по 4 фунта с человека, а ефимок счисляется 9 фунтов с половиною. Господин агент дал нам письмо его превосходительства господина князя Куракина на Кадикс к гишпанскому губернатору дон Томазу Диакето; он же дал нам рекомендацию от гишпанского вице-адмирала, который был в Венеции, в Ливорну, к гишпанскому консулу.

* *Guardiano (итал.)* — сторож в карантине.

** *Finto (итал.)* — заместитель начальника.

*** *Locanda dei me corona (итал.)* — гостиница королевской короны.

Из Венеции выехали мы 4 числа в ночи, то есть в неделю Фомину, а ехали в барке морем подле стены их. От Венеции 25 миль Кагель Гадо, в 30 милях Терраферма*. В Терраферме ехали каналом на Оремуче и въехали в реку Эчь, венецианского владения, от Венеции 55 миль.

6 числа проехали мы папежский город Феррара, от Венеции 85 миль.

7 числа прибыли мы в папежский город Болония, от Феррары 30 миль, а ехали в барках каналами бичевою, лошадьми. Того ж числа поехали мы из Болоний по причине гор верхами, а багаж везли на лошадках во вьюках. Папежского владения от Болоний 25 миль, потом владение флорентийское.

Прибыли мы во Флоренцию 9 числа, а расстояния от Болоний 55 миль, итого от Венеции до Флоренции 170 миль. Во Флоренции тогда были россияне, обучающиеся живописному искусству: Иван да Роман Никитины с товарищи. В Ливорне у гран-дука галерея, в которой разные вещи от пиктуры** и от скульптуры древней, от Рождества Христова и донныне; он же, гран-дук, строит церковь, и в середине той [церкви] стены от разного камня, а строят оную церковь беспрестанно 50 человек 114 лет, а еще будет совершать 100 лет.

10 числа ввечеру поехали мы из Флоренции в барке рекою Арно до города Пизы, 40 миль; тут верфь, где строят галеры. От Пизы до Ливорны ехали каналами 16 миль и прибыли в Ливорну 19 числа, порядили за пищу и за квартиру, со всем принадлежащим, по три павла*** с третью с персоны на сутки, понеже в папежском владении, флорентийском и генуезском, цекин ходит по 26 Павлов. Ливорна — город флорентийский при море и порт великий и крепость, солдат 2000 человек, около города и у порта батарей. В Ливорне агентский шурина, Иоаннес Кревт, гамбургский купец; по прибытии нашем рекомендацию подали гишпанскому консулу Маркези, которую имели от их вице-адмирала из Венеции, и господин Маркези объявил нам, чтоб ехать в Женову****, понеже тут оказии в Кадикс нет, а хотя б и были их корабли, то нам ехать на них не можно, понеже они с турком дружбы не имеют.

13 числа ввечеру поехали мы от Ливорны морем в двух фелюках*****, а за те фелюки заплатил за нас испанский консул 8 дуплей

* Terra ferma (*итал.*) — Венецианская область на материке, в противоположность городу Венеции, расположенному на прибрежных островах.

** Pittura (*итал.*) — живопись.

*** Paolo (*итал.*) — монета, ходившая в папских владениях.

**** То есть Геную, Genova; дальше — Генова.

***** Feluca (*итал.*) — небольшое судно.

и дал нам письмо в Женову к их маркизу инвиату*. От Ливорны в 60 милях владение генуезское, город Санта-Мария и Порт-Венере; при том городе был испанский крьюсовой корабль осажен от аглин-ских двух фрегатов.

Прибыли в Женову 15 числа поутру, и осматривали у нас в баулах багаж; стали мы в локанде *аквиля де доро*** и платили за квартиры и за пищу и за прочее по 4 павла на день с человека. По прибытии нашем письмо подали испанскому инвиату, и он велел нам дожидать оказии. При Женове порт, и около города от моря стена. Генуежская республика содержит 5 галер, и дворян 400 человек, а князь в Женове выбирается из дворян и переменяется через 2 года; войска у них в Генуе с 4000 солдат. А когда мы поехали из Венеции, Арбузов остался под караулом в железах у венециан, понеже господин агент по наш отъезд указу о нем никакого не получил. В Генуе был нам друг один генуезский дворянин, Анжело Жова, который бывал от оной республики амбасадором в Цареграде и знал довольно Петра Андреевича Толстого и Петра Павловича Шафирова.

25 числа апреля инвиат испанский ответствовал нам чрез своего консула, что ему без указу своего монарха денег нам дать на проезд не возможно, а мы своих только имели в остатке по три цекина с половиною; и того ж числа договорились мы с французским капитаном, который на корабле в Кадиксе отправлялся; он требовал за перевоз до Кадикса и за пищу по 11 цекинов с персоны, а деньги чтоб все наперед ему даны были. 26 числа Семен Дубровский, Василий Татищев, Иван Алексеев, Тимофей Щербатов, Иван Кайсаров, Петр Порохов, Алексей Белосельский, Иван Неплюев, Степан Коновницын, Иван Кукарин, итого 10 человек, с оным капитаном договорились и заплатили ему по 10 цекинов с персоны, а по одиннадцатому цекину заплатить ему обещали по прибытии в Кадиксе, и взяли с капитана договорных два письма, и подписали мы и он своими руками, и одно письмо взяли мы, а другое он взял, а письма по договору написаны с таким изъяснением, чтоб нам сесть на корабль мая 2 числа поутру и с того числа кормить бы ему нас с собою за столом до Кадикса и по прибытии в Кадиксе два дни со всякою выгодностию. Письмо его сиятельства князя Куракина и пашпорт, который нам дан от господина агента, взяли мы с собою, а другие два пашпорты, которые были даны до Женовы, отдали нашим товарищам. Того же 26 числа товарищи наши, 12 человек, предложили между собою такой совет, чтобы им ехать в Ливорну и одному из них ехать бы из Ливорны в Венецию к господину агенту и требовать

* *Inviato (итал.)* — посланник.

** *Locanda Aquila d'Oro (итал.)* — гостиница Золотого Орла.

бы от него себе на проезд денег; понеже они в Кадикс с нами отправиться не могли, потому что денег не имели, и для того наняли они фелюку до Ливорны, дали три цекина с половиною и того ж 26 числа поехали они в Ливорну, а мы с ними писали к господину агенту с прошением, чтобы и всех нас помощью не оставил.

Мая 1 числа французский консул по приказу своего агента послал ордер к оному капитану Винценциу Бианки, чтоб нас на корабль не брал и ни в которую сторону не возил того ради, что мы едем в службу короля гишпанского, о чем им говорили цесарский и английский посланники, чтоб нас не велели везти на их корабле.

Того ж мая 2 числа говорили мы французскому агенту, чтоб нас уволил ехать на их корабле в Кадикс, понеже мы едем по указу его царского величества в свое отечество, а не к гишпанскому королю в службу, а между наших монархов никакой ссоры нет, то для чего нас удерживать? Агент на наше представление склонился и приказал своему консулу, чтоб тот капитан нас по договору отвез до Кадикса, вследствие чего сели мы на корабль и того числа отправили в Амстердам к его сиятельству князю Куракину 4 письма, в которых писали о вышеписанном происхождении и о всем партикулярно; из тех два письма послали чрез гишпанского консула, а другие два чрез одного дворянина Анзуля Жова; и того ж числа писал я в Венецию к господину агенту о случившемся в отправлении нашем препятствии. Корабль, на котором мы были, назывался *Сан-Францешко*, пропорцию в 46 пушек; матросов и с ундер-офицерами 30 человек.

5 числа поутру пошли от Геновы. Того же числа, за безветрием, легли на якорь от Геновы в 15 милях.

От того места пошли в путь 7 числа.

9 числа прошли княжение дука де-Монако, которое бывало Ге-нуезской республики, а ныне под протекциею французского короля; от Геновы во 120 милях. Того ж числа прошли мы два порта дуки Савойского, первый — Билля-Франка, второй — Нича. Потом пошли возле Французской земли; у островов Ерес выходили два французских крюсовых капора и как сошлись с нами, тогда наш капитан спросил оных позволения; и салютовали с нашего корабля капорному командиру, кричали «ура» 5 раз; от него ответствовали 3 раза; потом ему с нашего корабля еще кричали «ура» трижды; по окончании сего наш капитан ездил к нему на капор; и приехав от него, пошли в путь. А на оных капорах командиром морской капитан; солдат на капорах по 130 человек. От Геновы курс мы имели между Понента и Горбина.

11 числа прошли французский город Тулон.

12 числа, за противным ветром, пришли мы к Тулону и легли на якорь. Тулон от Геновы 250 миль.

13 числа были мы в Тулоне перво у губернатора. наших русских гардемарин в Тулоне было 7 человек: Андрей Иванов сын Полянский, Воин Яковлев сын Римский-Корсаков, Михаил Андреев сын Римский-Корсаков, князь Александра Дмитриев сын Волконский, князь Борис Семенов сын Борятинский, князь Борис Григорьев сын Юсупов, Александра Гаврилов сын Жеребцов. Учатся они в академиях с французскими гардемаринами, которых в той академии 120 человек, навигации, инженерству, артиллерии, рисовать мачтапов, как корабли строятся, боцманству (то есть оснащать корабли), артикулу солдатскому, танцевать, на шпагах биться, на лошадях ездить; в школу ходят дважды в день; а учат их всему безденежно королевские мастера; а жалованья от королевского величества дается им на месяц по 3 ефимка; а ежели кто согрешит, в штраф сажают в тюрьму, по рассмотрению вины, за большую вину на полгода на один хлеб и воду, и никого в тюрьму не пушают. В Тулоне, городе повизнов, 50 человек от флага адмиральского; они стоят у адмирала на карауле и числятся старшее гардемаринов; жалованья им больше. При Тулоне строят корабли, и было в гавани кораблей десять военных, стояли разснащены.

14 числа пошли мы от Тулона.

15 числа прибыли ко французскому ж городу Марсели и легли на якорь. В Марселии галерная гавань, в ней стояло 25 галер, на всякой галере капитан один, поручиков два, подпоручиков два, гардештандартов два, и прочие ундер-офицеры деля цурма синифика*, цурма каторжная, в компании; солдат бывает по компании на галере, в которой компании 50 человек солдат; при оной же гавани в городе арсенал галерный, то есть адмиралтейство; в нем строят галеры и прочие галерные припасы, а галеры их — малтийским делом, без новизялей. Марселия от Геновы 30 миль; в Марселии ж школа, в которой 30 человек из первого шляхетства учатся математике, артикулу, боцманству галерному и прочему, принадлежащему к навигации, и танцевать; и они числятся выше гардемаринов, а зовутся они гардештандартами, потому что на галерах флаги с гербом королевским, то есть штандарты, как и нашего монарха герб — орел; и у оных гардештандартов капитаном королевское величество, и они же, кроме короля, ни к кому на караул не ходят; жалованья оным по три дупли с половиною, из того числа на мундир у них вычитают по 10 франков на месяц, которых франков в дупле по 20, а наших денег в дупле 4 рубля без четверти. Есть во оных много малтийских кавалеров; а жалуют гардештандартов в подпоручики галерные, понеже все галерные офицеры из гар-

* То есть della turma. Turma significa (*итал.*) — отборный отряд.

дештандартов происходят по чинам. Мундир на гардемаринах — кафтаны красные и чулки.

В бытность нашу при Марселии, 18 числа ввечеру, говорили мы корабельному капитану, что он нас худо кормит, и он нам отвечал, что «я-де вам в портах не повинен стола давать, договор-де наш разумеется от Геновы до Кадикса и пища в путь, а когда-де я приду в какой порт, тогда-де вы повинны свое есть, съехав на берег, как и прочие пассажиры всегда так делают».

19 числа мая били челом мы на капитана губернатору; оный губернатор послал нас к логотененту* мусье Жерин, у которого под ведением всякие морские дела, и он говорил капитану, что ему надлежит нам давать пищу и в портах до уреченного места Кадикса по договорному нашему письму, для того что в письме о портах не упомянуто, — в чем капитан словесному его приказу не последовал, приносил в резон, будто он в порте не повинен про нас иметь стола; и оный логотенент велел нам подать суплику**, что мы и учинили; и на той суплике оный логотенент пометил, чтобы капитана сыскать в канцелярию и против нашего челобитья допросить; и оный капитан вместо допросу дал сказку, подписал под оной челобитной в ответствие, что он стол про нас держит и впредь держать по своему договору во всяком до Кадикса месте обязуется.

22 числа судьи, слушав одного дела, поместили, чтоб оному капитану по договорному своему письму держать про нас стол во всяком месте до Кадикса против договорного нашего письма, и против тоё пометы дали нам указ; а когда дело слушали, докладывал по делу дьяк, а отвечал за капитана наемный стряпчий «адвокат» да писарь его корабля, а от нас был я, Иван Неплюев. Судьи во Франции ходят в черных платьях, также и дьяки; а дьяки называются прокураторы; всех дел канцелярии и судьи в одном доме по разным каморам, которые палаты называются «палацо де юстиция».

От Марселии пошли мы мая 26 числа.

Пришли к Аликанту, гишпанскому городу, июня 1 числа и легли на якорь. При нем порту нет; расстояния от Марселии 400 миль, а от Женовы 700 миль, которые в градусе по 75. Оный Аликант в прошедшую войну был взят от англичан и от цесаря; потом возвратили Гишпанию.

От Аликанту 7 числа пришли в Карфагену, гишпанский же город, и легли в порте на якорь 10 числа. Расстояния от Аликанта 60 миль; в Карфагене зимуют галеры. Того ж числа капитан был у губернатора, который приказал ему об нас, чтобы мы были все к нему.

* Locotenente (*итал.*) — лейтенант.

** Supplica (*итал.*) — прошение.

И по сему приказу 11 числа пришли мы к губернатору конте де-Ровир. И он, посмотрев нашего пашпорту, сказал нам, что его царского величества 40 кораблей будет в помощь к их королю, о чем от королевского величества указ имеет, чтоб в портах приготавливали провизию для того российского флота. На что объявили мы губернатору, что и мы едем в службу их короля, и просили совета, что можно ли нам проехать морем в Кадикс, понеже в Перузе Гибралтарской крЮсуют аглинские корабли. На что оный губернатор сказал: «лучше вам ехать до Малаги, гишпанского города, морем» и в Малагу к губернатору дал письмо, чтоб нас от Малаги отправить бы в Кадикс сухим путем, и капитану о том приказал, чтоб нас ссадил в Малаге, дал письмо, чтоб с капитана обычных пошлин в Малаге не брать, потому что он послан в Малагу для нас.

Пошли мы из Карфагена 18 числа.

23 числа, за противным ветром, легли на якорь при гишпанском кастеле* Ракето; тут же неподалеку город их Армилие**, от Карфа-гены в 100 милях. У Кадегато*** видели мы барбаретские крЮсовые корабли, где всегда обыкновенно крЮсуют.

Пошли от Ракета 24 числа, ввечеру. Сей день рождество святого Иоанна Предтечи.

28 числа прибыли к Малаге и легли на якорь. Малага от Карфагены 200 миль.

29 числа, по рекомендации карфагенского губернатора, просили исполнения у губернатора, и он нам велел сойти с корабля и приказал нас в трактире кормить на счет королевский. Последуя тому, съехали мы с корабля, заплатя капитану остальные 10 цекинов.

28 числа прибыли в Малагу наши товарищи, 12 человек, которые остались в Ливорне, а из них Кашкин ездил в Венецию, и господин агент дал им на проезд по 18 цекинов на человека от Ливорны до Барцелонии, а от Барцелонии до Малаги дано было им же на проезд от гишпанских министров королевских денег.

30 числа малажский губернатор, по ордеру обретающегося тут сухопутного генерал-капитана, дал нам лошадей и на пищу 100 пец****, которых в цехине 2½. В тех деньгах расписался я, Неплюев, да Петр Зиновьев. Оные деньги губернатор отдал комиссару, которого послал с нами, и велел нас кормить, в прочем содержать до Кадикса.

Выехали мы из Малаги 30 числа.

Июля 2 числа проехали гишпанский город Ронда, 11 лех от Малаги, которых лех в градусе 17 ½.

* Castello (*итал.*) — замок.

** Альмерия.

*** Мыс Cabo de Gato.

**** Peso (*итал.*) — пиастр, испанская монета.

3 числа проехали деревню Борно, 20 лех от Малаги.

4 числа проехали город Херес де-Фронтера, 26 лех от Малаги.

5 числа поехали в барке в Кадикс, понеже тут морем 2 лехи. Того же числа прибыв к Кадикс, письмо его сиятельства князя Куракина подали губернатору, а тот губернатор у себя таких дел не отправляет, понеже он сухопутный генерал-поручик. Он отослал нас к интенданту де-марина*; тот интендант дал нам квартиры и платил за нас из королевской казны за квартиры и за пищу по три реалья**, да плата с персоны, которых реалов в пеции по 8. И писали они об нас к королевскому величеству, а нам велели дожидаться указа, понеже об нас указу от короля своего никакого не имели.

20 числа пришли авизии, что гишпанцы имели баталии с цесарским войском в Сицилии, на которой гишпанцы выиграли, побили тадесков 7000, и за оную викторию был фунцион*** по 3 дни, то есть по отпуске молебна палили из пушек и по вечерам везде в доме ставили свечи. А остальное цесарское войско осталось в осаде, в горах, которого еще будет около 12000, а гишпанцев 25000. Кадикс на острове, на мысу; сухой путь к крепости с одной стороны; гарнизону в нем 4 полка да около порту, по другим крепостям, три полка. Оный числится в провинции Андалузии, в которой губернатор в порте Санта-Мари; а губернатор у них называется генерал-капитан, а комендант зовется губернатор. Между Террыфермы и острова Кадикса порт корабельный, который числится первый порт в Гишпании; около оною многие цитадели; обычай гишпанский: когда придет в порт какой купеческий корабль иностранный, то оный, пришед в бадью, салютует из пушек, а с города никакому кораблю не отвечают; часовой солдат, ежели стоит с фузеей на часах и ежели мимо его идет офицер, которому по нашему надлежит ружье поставить, а у них — поднимет на плечо, вместо караулу, а генералам ставится на караул; против нашего же, стоя на часах, держит всегда, не спущая, на руке.

Августа 4 числа от его королевского величества прислан указ ко интенданту де-марина, аль дон Францешко де-Варас, и к поручику гардемаринскому, аль дон Юзефе Марин, по которому повелено нас определить во академию и содержать в компании гардемаринской, как их гардемарины содержатся; а жалованье на месяц на человека по две добли****, и по две пецы, и по пяти реалей де плата, и по пяти кварты, которое по-русски сделает 10 ефимков; а мундир нам не определен. А их гардемаринам жалованья дается по 8 и по 5 реалей и по 5 пец; по две пецы вычитают у них на мундир. А оклад

* Морской интендант.

** Испанская монета.

*** Funzione (*итал.*) — упражнение.

**** Дублон, испанская монета.

гардемарины против прапорщика по 16 ефимков; на прочие деньги вычитают у них учителям и на содержание академии и в гошпиталь. Во время нашего приезда в компанию в роте было гардемаринов 240 человек, из того числа в Сицилии на кораблях 60 человек, в Америке на кораблях 18 человек. Мундир на гардемаринов королевский: кафтаны и петли золотом обшиты, камзолы и чулки красные, штаны васильковые; а которые служат на кораблях, тем даются еще сюртуки васильковые простые. А ежели гардемарин занеможет, то содержан бывает в гошпитале как лекарством, так и пищею и прочим всем; сколько будет лежать, из его жалованья за месяц вычитается по 5 пец, а прочие отдаются ему. А ежели которого отпустят на время домой, и тогда ему жалованья дается без вычета. А в гардемарины без имянного королевского указа никого не принимают, понеже все должны быть свидетельствованные дворяна; а некоторые есть и офицерские дети, записанные особым имянным королевским указом за службы отцов их. Гардемаринам жениться отнюдь не дозволяется, покуда не выйдет в офицеры. Жалуют оных в поручики и в подпоручики, а на фрегаты в офицеры, а фрегатные у них против сухопутных; оные же жалуются в артиллерийские офицеры такими же рангами; тако ж выпускают их в драгунские и пехотные полки в поручики и в прапорщики; и ежели который может у полковника купить роту, того жалуют и в капитаны, потому что полковник вербует солдат за свои деньги. Квартиры ни гардемаринам, ни офицерам в Гишпании не дается, и нанимают за свои деньги из жалованья; а некоторым гардемаринам даны квартиры королевские в кастеле; а мы нанимали из жалованья. По ордеру королевскому должен всякий гардемарин во втором часу ночи быть на квартире и никуда ночью с квартиры не сходить, чего, ходя по вечерам, осматривают бригадиры, а ежели который гардемарин явится в какой вине, то поручик и прочие офицеры штрафуют; первый штраф: скажут арест, чтобы никуда с квартиры не сходил; 2-ой: сажают в камору и замыкают; 3-ий: по великой вине сажают в тюрьму и есть, кроме хлеба и воды, не дают. А на караул оные ни к кому не ходят, кроме королевского величества, да во время учения стоит на карауле один. *Офицеры компани гардемариновской.* Капитан — его королевское величество. Команданте де-компания, который правит за капитан-поручика, — дон Луис д'Ормей (ранг его против генерал-майора), который больше живет при дворе. Поручик, логотененте де-компания, — дон Юзефе Марин; ранг его полковничий; жалованья ему по 30 доблей на месяц; или ранг его против капитана морского, понеже капитан морской равен полковнику, о чем ему и прочим офицерам даны от короля патенты. Подпоручик, офицер де-компания, — дон Гуан Наваро; ранг его подполковничий; жалованья ему по 25 доблей на месяц; он же и жалованье принимает от

комиссарства на всю компанию и раздает. Бригадиров де-компания, сержантов — 4 человека, которых ранг капитана сухопутного (жалованья оным по 12V2 доблей на месяц): дон Августин Редонда, дон Геронимо Буштоммете, который в Сицилии на кораблях с гардемаринами, дон Юзефе Павестер, дон Гашпер де-Евна, который учит артикулу солдатскому повседневно. Мастер, который учит математике всех повседневно, — дон Францешко де-Орье; жалованья ему по две добли с половиною на всякий день. Мастер, который учит артиллерному искусству, жалованья имеет 15 доблей на месяц. Во академии ж: фехмейстер один, который учит на шпагах биться; жалованья ему 15 доблей на месяц; танцмейстер один, который учит танцовать; жалованья ему 15 доблей на месяц.

Оучении гардемарин. Поутру соберутся все в церковь, в указной час, и чередной бригадир, понеже по установлению должны к обедне приходить на всяк день; потом в академии учатся все математике два часа; а за вины их штрафует бригадир. В другой раз сходятся гардемарины во академию после обеда в 3 часа вседневно: 3 кварталы учатся артиллерному искусству, две кварталы учатся солдатскому артикулу, одна кварта учатся на шпагах биться, одна ж кварта учатся танцовать; учатся сим образом, переменяясь по вся дни, по полтора часа.

6 числа августа, штиль вејо*, расписали нас в шесть квартал, а в первую квартал из нас никого не написали, и как гишпанские, так и мы ходили в академию всегда, кроме того, что мы к обедне не ходили; а учились со оными солдатскому артикулу, танцовать и на шпагах биться; а к математике приходили, только без дела сидели, понеже учиться невозможно, для того, что мы их языку не знали. В те ж числа просили мы многожды, чтоб нас, против рекомендации князя Куракина, послать служить на галеры его королевского величества. Оный нам сказал, что его королевское величество содержит только 6 галер, и те в Сицилии: «и определить-де вас, кроме академии, некуда; а жалованья вам не прибавят»; и на их галерах гардемарин нет. И об оном обо всем писали мы многожды в Санкт-Петербург к адмиралу Федору Матвеевичу Апраксину и в Голландию к послу князю Борису Ивановичу Куракину и просили их, чтоб они доложили его царскому величеству, чтоб нас повелел определить в службу и определил бы нам свое государево денежное жалованье, чем бы мы могли содержаться, понеже гишпанским жалованьем нам содержаться невозможно и в житье нашем пользы нам никакой нет, понеже шпажное и танцовальное учение к службе его величеству в нас годно быть не может. А жалованья королевского в руки нам не давал поручик де-компания, а платил за нас за пищу и за квартиру

* Старый стиль.

по две добли на месяц с персоны, отчего мы имели нужную пищу, а пили только воду; оный же за мытье рубашек и прочего платил за нас по полупецы на месяц, и по приказу его переменяли мы по три рубашки в неделю и брали на месяц по паре башмаков, за которые он платил за нас по 9 реалей, да плата за пару; он же платил за нас балбиру по 4 реалю на месяц, который брил нам бороды по 2 раза в неделю, а паруки нам пудрил по трижды в неделю; и за тем за всем осталось нам по 4 реалю по 5 кварт от месяца; и оные платил за нас портному мастеру за починку верхнего платья, или кто что возьмет новое против жалованья.

13 числа августа умер наш товарищ, гардемарин, князь Алексей Андреев сын Белосельский; за тем нас осталось 21 человек.

19 числа августа против письма князя Куракина послали мы к королевскому величеству челобитную, и притом к секретарю его величества, аль дон Микель Фернадецу Ранг де-Епаро, писали письмо, в котором просили его по суплике нашей доложить его королевскому величеству, чтоб нас его величество повелел послать в службу на галеры, понеже нам во академии учиться невозможно того ради, что гишпанскому языку не знаем, и чтоб его величество прибавил нам жалованья, понеже вышеупомянутым жалованьем нам содержаться невозможно, а от царского величества ныне мы денежного жалованья не имеем. И против того оный секретарь нам ответствовал письмом же, что его королевское величество повелел отписать к нам, чтоб нам быть во академии и учиться языку и прочего, а на галерах нам быть невозможно, понеже галеры в Сицилии, а в жалованье нам его величество излишнем против их, гардемаринов, определил отказать. По получении сего письма о всем писали мы в Голландию к послу князю Борису Ивановичу Куракину.

12 числа сентября вся компания, офицеры и гардемарины, собраны были в кастель, и при нас указом королевским с одного гардемарина офицеры велели снять королевский мундир и объявили нам его за бездельника, чтоб гардемарины с ним компании не имели за то, что он женился без указа, — понеже им жениться не велено; и отказали оному от компании, а сверх того, оный из королевской службы выкинут и отпущен на волю; а покуда об нем отписывались к королю, потуда он сидел в тюрьме, с 25 дня.

Октября 6 числа, штиль вејо, товарищ наш, гардемарин Иван Иванов сын Аничков, сошел с ума, и от того числа содержался в кастеле, никуда не выпусая, понеже делал всякие непорядки и говорил вздор.

Октября 19 числа получили мы от князя Бориса Ивановича Куракина письмо, писанное из Гаги, сентября от 18 числа, в котором он нам писал, что он письма наши из Кадикса получил, которые мы к нему писали, и по оным он ко двору его царского величества писал

и во уверение подлинное наше письмо послал, и как на то получит от государя указ, обещал к нам отписать.

Октября 29 числа собраны были в кастель вся компания, офицеры и гардемарины, и указом королевским сняли с одного гардемарина мундир, и выкинули его из гардемаринов, и объявили его за противника королевскому величеству за то, что он чинил противности и непослушание поручику своему (разумеется: противен команде — противен королю); и сидел оный в тюрьме 5 месяцев на хлебе и на воде; и повелено его выкинуть из гардемарин, послать в ссылку за караулом в город Сеуту, что и учинено. Сеута — город гишпанский в Африке, между Медитерана и Осиана.

18 числа ноября, штиль вејо, по именному его королевского величества указу риформовали гишпанцев гардемаринов 20 человек за то, что они не имели прилежности к науке, а прочим сказали указ, что которые имеют прилежность и приняли науки, те будут пожалованы по времени в офицеры; а ежели которые прилежности к науке иметь не будут, те тако ж выкинуты из академии будут, — чего ради интендант приезжал во академию.

20 ноября расписали гардемарин на 6 кварт.

Того ж ноября 18 числа объявил нам губернатор Томазо и Диа-кес, что он получил из Голландии от князя Бориса Ивановича Куракина письмо, в котором к нему пишет, чтоб нас прислать в Амстердам на корабле, а за имбарку и за пищу будут деньги заплачены государевы от князя Куракина. Однако оный губернатор без указа своего короля учинить того не может, о чем того ж числа писал ко двору королевского величества.

14 числа декабря получили мы от князя Куракина письмо, в котором нам пишет, что нам по указу царского величества велено возвратиться в отечество, и об отправлении нашем он писал к губернатору кадикскому, чтоб нас отправил в Голландию на голландских кораблях, и отправляться бы нам немедленно.

15 числа декабря губернатор нам объявил, что он от королевского величества об отправлении нашем по письму князя Куракина указ получил, и велел нам дожидаться okazji в Голландию. Того ж числа получили мы от князя Куракина другое письмо о своем отправлении против вышеписанного.

29 декабря получили мы от князя Куракина еще третье письмо об отправлении нашем против вышеписанного ж, которое все писано его рукою; в оном же он к нам пишет, что ежели мы имеем в деньгах нужду, чтоб нам занять и вексель дать на имя его.

1720 года, генваря 16 дня, генерал и губернатор кадикский дон Томазо и Диакес по письму князя Бориса Ивановича Куракина занял нам денег у купца дон Изанбеше в Кадиксе 63 добли и дал нам всякому по 3 добли, а тому купцу дал вексель за своею рукою в

том, что те деньги будут заплачены от князя Куракина в Амстердаме корреспонденту его, дон Петро Тречао, корреро маритимо*, по 18 на сто, и того всего на голландские деньги 713 флоринов гульден и 12 штиверов. Того ж числа оный же губернатор договорился с датским капитаном Буй Нельпен, чтоб ему нас свести на своем корабле, именуемом Соль, в Голландию и кормить с собою, и ежели за противным ветром или иного какого ради случаю зайдет в какие порты, непременно везде нас в пище содержать до Голландии; взять ему в Амстердам у князя Куракина по 31 пеции, чего будет 1502 флорина. И о всем вышеписанном губернатор дал письмо за своею рукою; а оные за 21 человека 651 взять оному корреспонденту Петро Тречао. О сем мы к князю Куракину того ж числа писали.

Генваря 28 числа получили мы письмо из Амстердама, от резидента господина Кристофора Брандта, в котором к нам пишет, чтоб нам взять в Кадиксе, у купца господина Лашкета по 50 ефимков на каждую персону для отправления до Голландии. И по оному письму взяли мы только по 19 ефимков на персону, а по 31 ефимку от персоны велели ему, Лашкете, перевести в Амстердам для платежу за нас датскому капитану против вышеписанного договорного губернаторского письма. Того ж числа вышеозначенные заемные 63 добли купцу дон Изанбеше заплатили и от него заемное губернаторское письмо взяли назад; и о всем вышеписанном того ж числа писали мы до его сиятельства князя Куракина, тако ж и до резидента Бранта. И сверх того была об нас от резидента рекомендация, чтоб нам везде в Гишпании в деньгах верили, сколько понадобится на проезд.

Февраля 6 числа корабль наш был готов отходить в путь, но воспрещено указом королевским, чтоб никакому купеческому кораблю из порту не выходить, покуда не выйдет шквadra** королевских кораблей.

12 числа пошло в Америку западную два корабля линейных да фрегат, на которых гардемаринов 40 человек, при бригадире дон Юзефе Павестер. При них же пошли купеческих 5 кораблей да одна тартана.

Февраля 17 дня imbarкались мы на корабль вышеозначенный, именуемый *Соль*, которого пропорция 50 пушек; а было на нем только 26 пушек, понеже нижний дек без окон, по обычаю купеческому; капитан Буй Нельшен патент имеет военный; людей на нем 50 человек. И пошли мы в путь того ж числа.

12 марта звали мы к себе аглицкий торговый корабль, палили из пушки, чтоб он парусы отменил и нас дожидался, от которого мы взяли сведения, сколь далече мы от земли.

* *Correra maritimo (итал.)* — курьер морской.

** *Squadra (итал.)* — эскадра.

13 числа, по обычаю морскому, мы, убавя парусы, дожидали гамбургской флейты*.

14 числа вошли в канал и шли возле Англии.

16 числа от полуночи стал ветер крепкий веять, которым мы вышли из каналу между мелей. Того ж числа от полудни стал ветер норд-вест с великим штурмом, в 6 часу пополудни стал штурм, и большой парус фок разодрало; и грот-рей, и фок-рей опустили и руль подвязали, и пустились на волю Божию, и понесло корабль на ост, к мели, к Голландской земле, понеже были от земли только 20 миль; однако Бог сохранил: к полуночи ветер утих.

18 числа пошли мы на ост, понеже ветер противен и в Тексель идти не можно; и увидя лоцманов, звали их пушечной стрельбой к себе, перво просто, потом с ядрами, и легли на якорь. За провозку корабля дал капитан лоцманам 130 гульденов. Порт зовется Фан-Шлейссе; республичных 20 кораблей стоят военных в порте, разснащены.

19 числа поутру поехали мы с корабля, салютовали нас трижды, кричали «ура» и палили из трех пушек. От Фан-Шлейсса ехали мы на фурах до Бриля одну легу, от Бриля через залив 2 леги, местечко Маштенлян-Шлюссн, от того каналами Делфт 3 леги. От Гарлема до Амстердама 2½ леги. Путь все каналами.

Прибыли мы в Амстердам 20 числа; от Фан-Шлейссе до Амстердама издержал нам на пищу и на провоз капитан своих 163 гульдена; и по прибытии своем просили мы его царского величества резидента Кристофора Игнатъевича, чтоб он за нас заплатил капитану за провоз до Голландии по 31 ефимку с персоны, тако ж и оные 163 гульдена. И оный резидент капитану сказал, что ему деньги будут заплачены все, а нам дал по 4 ефимка на персону и велел нам дожидать его сиятельства князя Бориса Ивановича Куракина.

Князь Борис Иванович Куракин прибыл в Амстердам 27 числа. 28 числа его сиятельство дал нам пашпорты и письма к адмиралу Федору Матвеевичу** и определил нам ехать до Гамбурга водою, от Гамбурга до Данцига на ланкуге***, от Данцига до Кенигсберга водою, от Кенигсберга до Риги на ланкуге, а в Ригу к губернатору Никите Ивановичу Репнину дал нам письмо, чтоб его сиятельство оправил нас от Риги на подводах в Ревель, или где обретается адмирал; а на проезд от Амстердама до Риги приказал нам выдать по 70 ефимков; а пашпорты и письма были нам даны по компаниям по 4 и по 3 человека в компании. Его же светлость приказал нам выдать кормовых денег по 6 гульденов на неделю, а гульден

* Грузовое судно.

** Апраксину.

*** Повозка.

содержит 4 гривны, и получили мы оные деньги марта с 20-го; и до отъезду его ж сиятельство дал нам рекомендацию в Гамбург к купцу, чтоб он нам в наеме чинил вспоможение. Мы ж его сиятельство просили, чтоб он приказал нам выдать на наши нужды оные по 31 ефимку на персону, которые мы возвратили господину .резиденту Бранту, и он советовал господину резиденту, чтоб он нам те деньги выдал, понеже, по именному его царского величества указу, адмирал Федор Матвеевич писал к господину Брандту, чтоб он перевел нам в Гишпанию по 50 ефимков на человека; и господин резидент взял резолюцию, чтоб нам оные деньги выдать, понеже за наш проезд от Кадикса капитану деньги заплачены от князя Бориса Ивановича. Ему ж дали мы сказку в том, что которые мы деньги заняли было в Кадиксе, по 3 добли на персону, что мы, получа по 19 ефимков из Брантова векселя, оные заплатили и что по первой губернаторской ассигнации оных не платить; а деньги мы кормовые и подъемные брали от Фон-Левена, который бывал секретарь Соловьева.

30 числа господин резидент выдал нам по 31 ефимку на персону да в Кадиксе по его векселю взяли мы по 19, и того будет против письма адмиральского по 50 ефимков на человека, кроме тех, что на проезд дал по 4 ефимка на человека, и велено нам, дожи-дався своего багажу, ехать, понеже багаж наш остался на корабле. А князю был указ, чтоб нас отправить в Петербург на голландских кораблях, а он нас отправил другим трактом, потому что okazji вскоре к Санкт-Петербургу морем не было, а хотя б и были, но опасно, чтобы шведы в Балтике не взяли в полон. В бытность нашу в Амстердаме были Андрей Федоров сын Хрущов да Иван Талызин, Алексей Вишняков, которые учились экипажеству и мехнике, да царского величества денщик Иван Андреев сын Толстой для покупки разных птиц; еще были человек с 40 школьников, которые учились всяким ремеслам — медному, столярному и судовым строениям, а приказаны оные были его величества агенту Фадербургу.

4 числа апреля Василий Татищев поехал по багаж в Геншвейс, да по приказу князя Бориса Ивановича Фон-Левен дал ему шкипора и денег на проезд и рекомендацию к капитану.

8 числа Василий Татищев прибыл с багажом и денег издержал себе и шкипору на проезд и на провоз багажа 51 гульден.

12 числа апреля к вечеру поехали мы от Амстердама на яхте 14 человек, а 7 человек наших товарищей поехали на тялке. Дали мы на яхте за провоз и с пивом, кроме пищи, по червонному с персоны. Когда отъезжали, заплатили мы в казну посажгелт по шеленгу* с персоны, а провизию для пути имели свою.

* Passage-geld (*фр., нем.*) — пошлина за проход; под «шеленгом» разумеется, конечно, известная монета шиллинг.

18 числа взошли в гамбургскую реку; на одной стороне Голштиния, а на другой Линебургия. Того ж числа легли мы на якорь возле линебургского городка Штаде и платили по облиге по 8 штиверов* с баула.

19 числа пришли к Гамбургу и ночевали за городом, в ардинарии**, понеже того дня не успели в город. От Амстердама до Гамбурга морем 60 миль немецких.

20 числа прибыли в Гамбург и по рекомендации были у Говерса, который отправляет за консула государевы дела. Гамбург — республика, под протекциею цесарской.

21 числа господин Питер Говерс дал нам совет, чтоб ехать чрез Берлин на почте, понеже ландсцуги не нашли, чтоб прямо ехать в Данциг. Товарищи наши при нас в Гамбург не приехали. Того ж 21 числа поехали из Гамбурга на ординарной почте — на фуре 6 человек да на экстраординарной почте — на двух фурах по 4 человека; платили на ординарной почте по 6 штиверов с персоны на милю да на всякой перемене почтарю пост-гелт по 12 грошей с персоны, а перемена от перемены по 3 и по 4 мили немецких; а на экстраординарной почте платили на три лошади по 48 рейхсталер талер штиверов на милю с 4 человек, понеже в фуре сидит 4 человека, а имеют три лошади; да на всякой перемене за телегу по 4 штивера; а ехали и переменяли лошадей обе почты вместе и деньги платили вообще. От Гамбурга их владения — 7 миль. Берлин — столица прусского короля; червонный ходит 130 штиверов или грошей. Издержали мы денег на пищу по червонному да на проезд без мала 3 червонных с персоны; а пути от Гамбурга до Берлина 33 мили. От Говерса имели мы письма в Берлин к послу, графу Александре Гавриловичу Головкину. Прибыли мы в Берлин 24 числа поутру, и осматривали у нас багаж.

25 поехали мы из Берлина на экстраординарной почте на трех фурах. Платить до Данцига на 56 миль по ефимку на милю со всякой телеги да за телеги по 4 штивера на всякой перемене; всего до Данцига издержали от Берлина по 5 червонных, и с пищею. Господин посол Головкин дал нам подорожные, чтоб от Мемеля до Риги в Курляндии брать подводы без прогон. Владение прусское до Гданска, а 7 миль владение польское, понеже Данциг принадлежит республике Польской; а дорогой городок от городка в Пруссии по 3 и по 4 мили.

Прибыли во Гданск 30 числа и порядили до Кенигсберга яхту с персоны по получервонному, без пищи. Агент государев во Гдан-

* Stüver (*нем.*) — мелкая монета; платить «по облиге», то есть по обязанности, в силу обложения.

** Ordinario (*итал.*) — почта, почтовый дом.

ске — Ертман, премьер-аудитор, и агент его величества другой — иноземец Куриус.

Поехали от Гданска мая 2 числа. Ехали рекою 7 миль, заливом 17 миль. Прибыли в Кенингсберг 14 числа, Королевец тож. В Кенингсберге управляет государевы интересы консилиер королевского величества прусского, которому прозвание Неглин. Наняли из Кенингсберга до Мемеля на 15 миль, дали по получервонному с персоны, без пищи; ехали сухим путем три мили, заливом 12 миль.

Прибыли в Мемель 7 числа. Мемель — прусская крепость; и смотрели наших пашпортов.

Поехали из Мемеля 8 числа и наняли до курляндской почты на 8 миль, дали по рейхсталеру с персоны.

9 числа по подорожной взяли на курляндской почте подводы.

Прибыли в Митава 11 числа. Митава — столица курляндская. В ней владетельница государыня царевна Анна Ивановна; при ней из русских генерал-кригс-комиссар Петр Михайлович Бестужев, полк драгунский Каргопольский. Пути от Мемеля 33 мили.

Поехали от Митавы 12 числа.

Приехали в Ригу 13 числа. Расстояние 7 миль. В Риге губернатор князь Никита Иванович Репнин дал нам подорожную, чтоб нам до Санкт-Петербурга давали по подставам почтовых по подводе на человека, с прогонами, а на прогоны нам денег не дал.

Выехали мы из Риги 15 числа.

Прибыли в Дерпт 17 числа.

18-го из Дерпта в Нарву.

В Нарву прибыли 19 числа.

Из Нарвы поехали 20 числа.

Прибыли в Санкт-Петербург 22 числа. Расстояние от Риги* 202 версты, от Дерпта до Нарвы 141, от Нарвы 165, всего 510 верст**. Во весь вышеписанный вояж издержал я собственных 400 рублей да государевых 600 рублей. Каждый из нас по приезде в Петербург пристали у наших родственников, а я у капитана гвардии Семена Марковича Спицына.

Назавтра, собравшись вся наша компания ко мне на квартиру, пошли явиться генерал-адмиралу, а потом ко всем флагманам, находящимся в Петербурге, и ко всем присутствующим в Адмиралтейской коллегии. Все нас приняли весьма ласково, особливо Григорий Петрович Чернышев, который о вояже и службе нашей вне государства подробно и милостиво расспрашивал и обнадежил нас своим представтельством у его величества, подав нам, как отец, совет, чтобы просили генерал-адмирала быть представленны к государю, и

* Без сомнения, до Дерпта.

** Счет не верен; должно быть: 508 верст.

когда его величество из нас с кем говорить изволит, то чтоб мы по истине и без робости сказали, кто что знает и сколько кто преуспел в науках. За таковую его милость мы все, как не имущие никакого покровительства, а по нашему отлучению от отечества не токмо от равных нам возненавидены, но и от свойственников наших при первом случае насмешкою и ругательством по европейскому обычаю, в нас примеченному, осмеянные, благодарили Григория Петровича со слезами. Флагман Змиевич, человек в морской науке весьма искусный, любопытствовал у каждого из нас о нашем в навигации знании и, сколько приметить можно, Кайсарова и моими ответами был довольнее.

Назавтра пошли мы в Адмиралтейскую коллегия и ожидали прибытия генерал-адмирала, который, приехав и нас увидя, сказал, что он об нас доложит, и когда приказано будет, чтобы явились в коллегия, а ныне б шли по домам.

26 числа была ассамблея на почтовом дворе, на которой генерал-адмирал государю об нас докладывал, и от него получили повеление, чтоб нам быть представленным завтра в Адмиралтейской коллегии, почему мы и получили от коллегии приказ явиться в 5 часов в коллегия. Не знаю, как мои товарищи оное приняли, а я всю ночь не спал, готовился, как на Страшный суд.

И по сему приказу собрались мы в назначенное время в коллегия, а между тем присутствующие съезжались, из коих генерал-адмирал, идучи мимо, сказал нам: «Я вас теперь государю представлю». А через малое время потом приехал Григорий Петрович Чернышев и, остановясь с нами, говорил то же, что и в своем доме, и ласковым и милостивым сим разговором убавил нашего страха. Наконец и его величество прибыть изволил, но не тем путем, которым мы его ожидали; потому мы и не имели счастья путь его видеть. В 7 часов впустили нас в присутственную палату. Мы его величеству поклонились в ноги, а прочим в пояс. Он, будучи или немощен, или невесел, чего я не знаю, изволил спросить нас только, имеем ли мы от командиров тамошних атестаты и все ль на галерах или иные и на кораблях служили. Получив на сие ответ, оборотясь к генерал-адмиралу, изволил сказать следующее: «Я хочу их сам увидеть на практике, ныне напишите их во флоте гардемаринами». Не успел последней речи государь еще окончить, как великодушный покровитель всех бедных, Григорий Петрович, очень громко сказал его величеству: «Грех тебе, государь, будет: люди по воле твоей бывши отлученные от своих родственников в чужих краях, и по бедности их сносили голод и холод и учились, по возможности желая угодить тебе и по достоинству своему и в чужом государстве были уже гардемаринами, а ныне, возвратясь по твоей же воле и надеясь за службу и науку получить награждение, отсылаются ни с

чем и будут наравне с теми, которые ни нужды такой не видали, ни практики такой не имели». Его величество на сие изволил ему ответить: «Я их награжу; пусть только одну кампанию прослужат!» — «Но легко ль, государь, гардемаринами служить, — сказал Григорий Петрович, — таким, кои из них есть достойны управлять кораблем или галерою?» Государь спросил его: «Кто ж бы такие были, кто б так достоин?» Он нимало ни мешкав: «Кукарин* и Неплюев». Сии слова наполнили меня благодарностию, радостию и страхом, и так меня замешало, что я уже после приметил, что государь, желая, чтоб нас двоих ему указали, и обоих изволил пристально осматривать и потом, помолчав немного, изволил приказать записать свой указ, чтоб в коллегии было в будущем месяце полное собрание, при котором нас всех как в навигации, так и в прочих науках и языках экзаменовать, при чем он и сам быть желает; а потом нас вон выслали. Мое попечение было первое — бежать в дом Григория Петровича Чернышева и благодарить его за оказанную мне милость, что я и исполнил; а сия милость тем больше ко мне оказана, что я никакого свойства, ни знакомства с ним не имею, и никакого такого у меня не было, кто б ему за меня слово замолвил. Все сие значит великодушное его сердце и человеколюбивую его душу. А с нами разговаривал он как с равными, не допуская нас и поклониться себе. Сие значит его смиренномудрие и что он, в великом чине будучи, тем не гордится, а употребляет оный в пользу и к показанию милостей к беспомощным. Пишучи сие, я мешаю благодарные мои слезы к нему с чернилами, да благословит его и весь дом его Господь Бог изобильными Своими щедротами. Во ожидании означенного экзамена упражнение мое было в приуготовлении себя к оному.

30 июня прислан к нам от коллегии приказ явиться 1 июля на экзамен. Мы, собравшись у коллегии, дожидались повеления. В 8 часов государь приехал в одноколке и, мимо идучи, сказал нам: «Здорово, ребята». Потом, чрез некоторое время, впустили нас в асамблею и генерал-адмирал приказал Змиевичу наперед расспрашивать порознь, что кто знаете о навигации. Потом, как дошла и моя очередь (а я был, по условию между нами, из последних), то государь изволил подойти ко мне и, не дав Змиевичу делать задачи, спросил: «Всему ли ты научился, для чего был послан?» На что я отвечивал: «Всемиловейший государь, прилежал я по всей моей возможности, но не могу похвалиться, что всему научился, а более почитаю себя пред вами рабом недостойным и того ради прошу, как пред Богом, ваша ко мне щедрота». При сказывании сих слов я стал на колени, а государь, оборотив руку праву ладонью, дал поще-

* В публикации Л.Н.Майкова неверно: Кайсаров. — *Примеч. ред.*

ловать и при том изволил молвить: «Видишь, братец, я и царь, да у меня на руках мозоли; а все от того: показать вам пример и хотя б под старость видеть мне достойных помощников и слуг отечеству». Я, стоя на коленях, взял сам его руку и целовал оную многократно, а он мне сказал: «Встань, братец, и дай ответ, о чем тебя спросят; но не робей; буде что знаешь, сказывай, а чего не знаешь, так и скажи». И оборотясь к Змиевичу, приказал расспросить меня; а как я давал ответы, то он изволил сказать Змиевичу: «Расспрашивай о высших знаниях». И по окончании у всех расспросов тут же пожаловал меня в поручики в морские, галерного флота и другого — Кайсарова, а и других также пожаловал, но ниже чинами. Чрез малое потом время указал государь определить меня, Неплюева, смотрителем и командиром над строящимися морскими судами, по каковому случаю видел я государя почти ежедневно, и всякий раз благоволил со мною разговаривать о всяких вещах и случаях. И от флагманов — Григорья Петровича Чернышева, к которому я во всякое свободное время хаживал, и от Змиевича слышал, что: «Государь-де тобою, господин поручик, является доволен и изволит говорить, что в этом малом путь будет». Они же мне подавали советы, чтоб я прилежал к своему делу и был бы исправен: «То-де его величество тебя не оставит; только будь проворен и говори правду и ничего не солги, хотя бы что и худо было; он-де больше рассердится, буде что солжешь». Их слова и вправду явились. Однажды я пришел на работу, а государь уже прежде приехал. Я испужался презельно и хотел бежать домой больным сказаться, но, вспомняв тот отеческий моего благодетеля совет, бежать раздумал, а пошел к тому месту, где государь находился; он, увидев меня, сказал: «Я уже, мой друг, здесь!» А я ему отвечал: «Виноват, государь, вчера был в гостях и долго засиделся и оттого опоздал». Он, взяв меня за плечо, пожал, а я вздрогнул, думал, что прогневался: «Спасибо, малый, что говоришь правду: Бог простит! Кто бабе не внук! А теперь поедем со мной на родины». Я поклонился и стал за его одноколку. Приехали мы к плотнику моей команды и вошли в избу. Государь пожаловал родильнице 5 гривен и с нею поцеловался; а я стоял у дверей; он мне приказал то же сделать, а я дал гривну. Государь спросил бабу-родильницу: «Что дал поручик?» Она гривну показала, и он засмеялся и сказал: «Эй, брат, я вижу, ты даришь не по-заморски». — «Нечем мне, царь государь, дарить много; дворянин я бедный, имею жену и детей, и когда бы не ваше царское жалованье, то бы, здесь живучи, и есть было нечего». Государь спросил, что за мною душ, и где испомещен? Я все рассказал справедливо и без утайки. А потом хозяин поднес на деревянной тарелке в рюмке горячего вина; он изволил выкушать и заел пирогом с морковью. А потом и мне поднес хозяин; но я от роду не пивал горячего,

не хотел пить. Государь изволил сказать: «Откушай, сколько можешь; не обижай хозяина». Что я и сделал. И из своих [рук] пожаловал мне, отлома кусок пирога, и сказал: «Заешь! Это родимая, а не италиянская пицца». Потом изволил поехать, а я домой пошел обедать.

Был я также, по указу государеву, для переводу у чужестранных министров, когда их трактовали на новопущенном корабле, и когда государь изволил съезжать с оногo, то пожаловал, мимо идучи, мне поцеловать руку.

1721 года, генваря в первых числах, был трактамент для всех бояр и для морских и гвардии офицеров, почему и я тут был. Мы, отобедав прежде, из-за столов встали, и я и со мною несколько человек вошли в ту камору, где государь сидел еще за столом; государь был очень весел и по малом времени изволил начать разговор, что ему потребен человек с италиянским языком — послать в Царьград резидентом. Александр Гаврилович отвечал, что он такого не знает, а Федор Матвеевич говорил, что он такого знает и очень достойного, но то беда, что очень беден. Государь отвечал, что бедность не беда. «Этому помочь можно скоро, но кто тот такой?» Федор Матвеевич сказал: «Вот он за тобою стоит». — «Да их стоит за мною много», — сказал государь. Федор Матвеевич отвечал: «Твой хваленый, что у галерного строения». Он оборотился и, глядев на меня, изволил сказать: «Это правда, Федор Матвеевич, что он добр, но мне хотелось его у себя иметь». Я поклонился государю; а он, подумав, изволил приказать, чтоб меня во оную посылку назначить; и при сем из-за стола встали, а меня адмирал поздравил резидентом и, взяв за руку, повел благодарить к государю. Я упал ему, государю, в ноги и, охватя оные, целовал и плакал. Он изволил сам меня поднять и, взяв за руку, говорил: «Не кланяйся, братец! Я ваш от Бога приставник, и должность моя — смотреть того, чтобы недостойному не дать, а у достойного не отнять; буде хорош будешь, не мне, а более себе и отечеству добро сделаешь; а буде худо, так я — истец; ибо Бог того от меня за всех вас востребует, чтоб злому и глупому не дать места вред делать; служи верою и правдою! В начале Бог, а при нем и я должен буду не оставить». Сие говоря, оборотясь, изволил молвить: «Кого ж я возьму на его место?» И с тем словом опустил свою руку, а я при сем целовал оную; и изволил от меня отдалиться. Благодетель мой Григорий Петрович меня обнял и целовал от радости; а я не могу ему промолвить ни слова.

25 генваря из коллегии Иностранной прислан именной указ, дабы меня из Адмиралтейской коллегии прислать во оную для посылки резидентом ко двору султана турецкого в Константинополь.

26 генваря в Коллегии иностранных дел учинен мне, Неплюеву, оклад резидентский на год по три тысячи рублей; на подъем пожаловал государь тысячу рублей, а те деньги велено принять в Москве,

а инструкция дана из оной же коллегии февраля 26 числа, которого дня я имел отпускную аудиенцию, при коем случае его величество изволил поступать со мною с отменною милостию, обнадеживал своею государскою милостию и, прощаясь со мною, поцеловал меня в лоб и изволил сказать последнее таковое слово: «Прости, братец, кому Бог велит видеться!» О разговорах, при том бывших, не описую, потому что запамятовал, с единой стороны от того, что я обрадован был таковым милостивым местом и отпуском; с другой стороны, я совершенно был вне себя от печали и от слез, с ним, государем, прощаясь. Потом был я для прощания у господ министров, которые меня все обнадеживали своею помощью, а я просил их о неоставлении меня, потому что я сих министерских дел не отправлял. Был я также у всех наших морских командиров, кои меня также весьма ласково отпустили. Господина Змиевича просил я о неоставлении в случаях нужных жены моей и деревнюшек. Пришел к генерал-адмиралу прощаться, донес ему, что я отъезжаю и просил его о неоставлении меня по заочности; он мне на сие только сказал: «Дурак!» Я, поклонясь его сиятельству, докладывал, что не знаю, чем его прогневал, а он мне на то отвечал то же слово: «Дурак!» На что я уже и не посмел ничего говорить, а он, помолчав, сказал: «С чем ты жену да детей оставляешь? Ведь им только что по миру ходить; для чего ты не просил государя, чтоб давать в твое отсутствие по окладу твоего чина им от нас жалованья?» Я ему на то докладывал, что того не посмел да и не думал; а он, выслушав сие, закричал на меня: «Потому-то ты и дурак! Да добро, помиримся и простимся с тобою! Коли будешь хорошо служить, так государь тебя не оставит и наградит; он и вчера со мною говорил; прикажи же жене своей, что ежели ей в чем нужда будет, то б ко мне за всем присылала, сколько ей будет надобно; я и деньгами ссужать буду». Я доложил на сие его сиятельству, что я жену намерен отправить в деревню, ибо здесь себя содержать не можно. «Ну, так вели ей ко мне писать, — сказал на то генерал-адмирал, — я всякую ей помощь сделаю». Простясь я с ним, для того ж пошел к Григорью Петровичу Чернышеву; сей добродетельный муж простался со мною, как с кровным, и дал мне еще отеческое наставление, чтоб я служил и отправлял дело мое с подлежащею верностию: «А прежде-де отъезда твоего сходи к Остерману и с ним ознакомься: он по вашим делам у государя в отменности; а я-де за тебя его уже просил, чтоб он тебя любил и чтоб дал тебе наставление, как тебе поступать». А сверх того и такое сделал мне благодеяние: из деревень его замосковных Ерополец был отдан в рекруты во флот один крестьянин, именем Афанасий, который по той причине жил в доме Григорья Петровича и всему был обучен и весьма проворен; того он дал мне вместо денщика, а моего денщика взял на то место, уверив меня,

что я на сего человека могу во всем положиться. Простясь я с моим благодетелем, был у Остермана, который меня принял также весьма ласково и дал мне на многие случаи поучения, о чем я прежде по истине и не думал.

Из Санкт-Петербурга выехал я, и при мне сын мой Адриан, бывший тогда по 9 году, марта 9 числа 1721 году и заехал в деревню мою в сельцо Поддубье и, тут 2 дни пробыв, оставив жену мою и сына моего Ивана и дочь Марью, сам отправился в путь, оставя жену мою беременну, которая и родила дочь Марфу, коя умерла вскоре. Приехав в Москву, получил я пожалованные деньги и закупил потребное; и тут я увидел, каким проворным и усердным человеком наградил меня Григорий Петрович.

1721 года сентября 8 числа прибыл я в Царьград и октября 17 числа имел купно с прежним посланником Даниловым аудиенцию у султана турецкого Ахмета, на коей о себе подал верующую грамоту, и прежде были на аудиенции у визиря его Ибрагима.

Того ж году октября 22 числа его царское величество Петр Первый самодержец всероссийский изволил воспрять императорский титул, и с того времени начали писать во всех письмах императором.

1722 года октября 31 дня отправил я сына моего Адриана и при нем дядькою вышеписанного Афанасья еропольского чрез Мальту и Францию в Голландию для науки, а в Голландию рекомендовал его послу князю Куракину.

Того же года его императорское величество Петр Первый изволил ходить с войсками в Персию против персидских бутонщиков [бунтовщиков?] лезвов за учиненные от них убийства и убытки российским купцам в Шамахе; тем походом взят город Дербент.

В начале 1723 году прислана ко мне от его императорского величества полная мочь трактовать с Портою о персидских делах под медиациею французского посла марки де-Бонака по причине начатой его величеством войны в Персии, по случаю которой послан от Порты ко двору российскому посланник Капиджи-Пашаникли-Мехмет-Ага.

Того ж года месяца июля умер сын мой, Иван, 7 лет от роду.

В сем же году взят персидский город Баку.

Сентября 12 числа того ж году его величество заключил трактат с персидским шахом Тахмасебом. Вследствие вышеписанного полномочия происходили с турецкими министрами рейс-ефендием Мегметом да Хаджи-Мустафою-ефендием многие конференции, и наконец 1724 года июня 27 дня заключил я, Неплюев, под медиациею того посла марки де-Бонака, о персидских делах трактат, а теми разменялся с самим визирем Ибрагим-пашою, при чем визирь подарил мне шубу соболью да лошадь с убором.

С оным трактатом послал я ко двору переводчика Мальцева, которому, по прибытии в Петербург, велел я оному и мою реляцию подать в Коллегию иностранных дел, а с ним отправил письмо к моему благодетелю Григорью Петровичу Чернышеву, а также и к Андрею Ивановичу Остерману, следующего содержания:

«Милостивый ко мне государь Григорий Петрович! Ваше превосходительство первая причина моего благополучия, и я, по милостивому вашему предстательству, пожалован чином и награжден местом сверх моего достоинства; ныне же нахожусь, что, отпуская сего курьера и во ожидании — как мои дела приняты будут, в безмерном страхе, и если оные, к несчастью моему, не угодны окажутся его императорскому величеству, то по истине я жить более не желаю, но вам до последней минуты жизни с совершенным благодарным высокопочитанием пребуду».

«Милостивый государь Андрей Иванович! При отъезде моем милостиво меня обнадежить изволили не оставлять меня вашею протекциею, а как ныне, при получении сего курьера, вам, милостивый государь, к тому есть пространный случай, то о показании вашей ко мне милости и прошу покорно. Ей, ей, Богом свидетельствуюсь, что весь смысл мой употребил сделать его императорскому величеству угодное; но как принято будет и мог ли я предусмотреть все виды пользы, того не знаю, и сие меня мучит смертельно, и доколе не возьмю на оное ответа, в страдании останусь; и потому вас, милостивый государь, покорно прошу оказать ко мне и ту милость — уведомить меня, не умедля, ибо коллежское отправление так быть не может; а я за все то иным ничем воздать не имею, как славить вашу милость и до последнего издыхания пребыть со искреннейшею благодарностию и высокопочитанием».

Августа 25 числа получил я от Андрея Ивановича Остермана письмо следующего содержания:

«Милостивый государь мой Иван Иванович! Не имел я желанного случая оказать вам мои услуги по причине присланной пиесы вашей с господином Мальцевым, потому что пакет ваш и письма все партикулярные распечатаны в коллегии того ж дня в присутствии императора; я только предварительно вас могу уведомить и поздравить, что его императорское величество не токмо в том поступок ваш опробовать, но и наградить вас чином, деревнями и для фамилии вашей жалованьем соизволил. Позвольте ж мне вас со всем тем поздравить, а себе испросить у вас время по доказательству услугами моими самым действием того почтения, с коим я есмь и пребуду навсегда при должном почтении».

Сие письмо получил я, будучи на асамблеи у цесарского министра, и с сего часа начало проходить мое уныние, в котором я был с самого дня заключения трактата.

Августа 29 числа получил я указ, что его императорское величество, выслушав присланные письма с Мальцевым, опробовать мой поступок в том изволил и меня пожаловал: 1) капитаном морским 1 ранга; 2) деревнями в Устюжно-Железопольском уезде 400 душ; 3) жене и детям моим производить от Адмиралтейской коллегии жалованье полное по морскому моему чину; 4) сыну моему Адриану, находящемуся в Голландии, жалованья по 300 рублей на год с повелением обучаться ему математическим и прочим наукам. С ратификацией) на оный трактат к Порте прислан генерал-майор Александр Иванович Румянцев.

1725 году в феврале месяце получил я плачевное известие, что отец отечества, Петр, император 1-й, отыде сего света. Я омочил ту бумагу слезами, как по должности о моем государе, так и по многим его ко мне милостям, и ей-ей, не лгу, был более суток в беспамятстве; да иначе бы и мне и грешно было: сей монарх отечество наше привел в сравнение с прочими; научил узнавать, что и мы люди; одним словом, на что в России ни взгляни, все его началом имеет, и что бы впредь ни делалось, от сего источника черпать будут; а мне собственно, сверх вышеписанного, был государь и отец милосердный. Да вчинит Господь душу его, многотрудившегося о пользе общей, с праведными!

1727 году ее императорское величество государыня императрица Екатерина Алексеевна изволила жену мою повелеть, по прошению моему, отпустить в Царьград и на дорогу пожаловала 500 руб. и в провожатые с нею повелела отпустить с жалованьем флота лейтенанта Василья Ивановича Татищева, ее двоюродного брата, да прапорщика Наковальнина, и подводы до Киева с казенными прогонами; а того ж году августа 15 дня прибыла в Царьград.

1728 году июля 17 числа его императорское величество Петр II пожаловал меня, Неплюева, в галерный флот капитан-командором.

1730 году генваря 19 числа, в 3 часу пополудни, родилась в Царьграде дочь моя Анна, которая в замужестве Коммерц-коллегии за вице-президентом Луниным.

Того ж году декабря 2 числа ее величество государыня императрица Анна Ивановна пожаловала меня, Неплюева, в галерный флот шоуубенахтом.

1731 году мая 12 числа, в 8 часу пополудни, в Царьграде родился сын Николай, который ныне находится в кадетском корпусе сержантом. (А сие о нем и о дочери моей приписано 1750 году).

1732 году от приехавшего из Афонских гор архимандрита был я заражен поветрием, почему, жалея жену мою и детей, также и служителей, в предместий у Царьграда, именуемом Буюкдере, заперся во особую комнату и получал пропитание в окно, никого к себе не допуская; жена моя ежечасно у дверей о том со слезами просила

меня; но, при помощи Божией, приниманием хины с водою, которая понос производила, от той язвы хотя и исцелился, но с самого того времени чувствую частые и тяжкие припадки; а по вышеписанному обстоятельству, опасаясь быть причиною напрасной смерти жены моей и детей, вознамерился я их возвратить в отечество, почему против воли жены моей детей моих, Анну и Николая, из Царяграда марта 11 дня отправил с чрезвычайным посланником, князем Иваном Андреевичем Щербатовым, к Оттоманской Порте приезжавшим.

1734 году нашелся я столь отягчен болезнию и от того пришел в такую слабость, что медики отказались от пользования, и по сей причине принужден я был от правления дел отказаться и на свое место именем ее величества акредитовать надворного советника Алексея Вешнякова, что учинено 30 декабря того ж году, а ко двору о всем вышеписанном представил; почему и прислан указ: быть на моем месте помянутому Вешнякову, а мне ехать в Россию.

В 1735 году прибыл я в С.-Петербург и пожалован тайным советником, с тем чтоб присутствовать мне в Коллегии иностранных дел.

В 1737 году послан я с двумя еще послами в Немиров, на конгресс, для трактования с турками; но в сем не преуспели, за несогласием с другими послами; почему два наших посла и возвращены ко двору, а мне повелено, в ожидании удобнейшего к тому случая, ехать в Киев, а между тем быть губернатором для заграничной корреспонденции во время войны с турками, по окончании которой употреблен я полномочным министром к разграничению земель по трактату, с высочайшим государыни императрицы Анны Ивановны обнадеживанием, что если я сие исполню, то принят буду в особую ее милость и награжден буду орденом Святого Александра и великими деревнями, которое в 1740 году между рек Буга и Днепра мною и учинено, и возвратился в Киев во ожидании указа.

Того ж году декабря 4 числа преставилась в Киеве жена моя Федосья Федоровна и погребена над Феодосиевыми пещерами, внутри церкви, стоящей у земляного вала.

В том же году присланным указом повелено мне быть в Петербург для вящего объяснения по моей комиссии и для переговоров с турецким послом, в Санкт-Петербурге находящимся; по приезде моем в Петербург от правительницы Анны, по силе обещания императрицы Анны Ивановны, награжден орденом Святого Александра и немалыми в Украине деревнями, а именно: волостью Ропскою и местечком Быковым со всеми ко оным принадлежностями, в коих было более 2 000 дворов; и пожалован я над всею Малороссиею главным командиром, почему я и из Петербурга и отъехал.

В проезд мой в Москве женился на девице Анне Ивановне, дочери покойного генерал-поручика Ивана Ивановича Панина, 1741 году

октября 7 дня, и с нею отправился к управлению Малороссиєю, в Глухов. В исходе того года прислан в Глухов с объявлением о восшествии на престол императорской дщери Петра Первого, цесаревны Елисаветы Петровны, Александр Борисович Бутурлин, коему повелено меня, сменя от всех должностей, отправить в Петербург, а при том публиковать, так как и во всем государстве опубликовано было, что все указы, какого бы звания ни были, данные в бывшее правление, уничтожаются и все чины и достоинства отъемлются, и посему я увидел себя вдруг лишенным знатного поста, ордена и деревень; но как я во всю мою жизнь и всем бывшим на престоле службу отправлял по всей возможности сил моих и ни в какие придворные дела никогда и нисколько не мешался, то, возложась на Промысл Божий, выехал из Глухова немедленно и путь продолжал с поспешностью, дабы узнать скорее мой жребий и успокоить страждущую жену мою, которая, самое малое время жив со мною, ввергалась чрез меня, хотя и неповинно, чему Сам Бог свидетель, в такое бедственное и неизвестное состояние. Приехав в Москву, узнал от тещи моей, Аграфены Васильевны, что меня обвиняют дружбою с графом Андреем Ивановичем Остерманом и что он и другие признаны достойными наказания, и публично то над ними исполнилось; и хотя я ничего противного отечеству и самодержавной власти не только не делал, но не слышал, но, ей-ей, и никогда и не думал, со всем тем сия ведомость меня потревожила несказанно. В графе ж Андрее Ивановиче имел я всегда моего благодетеля, и за что он так осужден был, того также, по совести, как пред Бога явиться, не ведал; но, жалея бедную жену мою, старался ее ободривать; да и в самом деле возложился на Бога и на мою неповинность и с теми мыслями в Петербург прибыл и явился у князя Алексея Михайловича* и у князя Никиты Юрьевича**, кои мне всегда были благодетели. Князь Никита Юрьевич сказал, чтоб я ехал к принцу Гессен-Гомбургско-му и ему доложил о моем приезде, что я и сделал. От принца прислан был ко мне приказ чрез несколько часов после моего у него бытности, чтоб я никуда не съезжал со двора, и потом уведал, что в бывшей особоучрежденной комиссии в 16 пунктах допрашивали графа Остермана: не ведал ли о сем Неплюев; а он давал ответы, как то и подлинно и было, что я ни о чем не был известен; и хотя он ныне несчастен, но я не могу отпереться, что он был мой благодетель и человек таковых дарований ко управлению делами, каковых мало было в Европе.

В начале 1742 года прислан ко мне от принца приказ, чтоб я у двора явился, что я и исполнил, и при сем случае поставлен я был

* Черкасского.

** Грубецкого.

на колени пред церковью в то время, когда императрица Елисавета Петровна проходила во оную; она изволила, остановясь, возложить на меня паки орден Святого Александра и пожаловать меня допустить к руке; я, увидев дочь государя, мною обожаемого, в славе, ей принадлежащей, и в лице ее черты моего отца и государя Петра Первого, так обрадовался, что забыл и все минувшее и желал ей от истинной души всех благ и последования ей путем в Бозе опочивающего родителя. Потом сделал я визиты всем знатным. Старый мой благодетель, Григорий Петрович, принял меня как родного и все силы употреблял к защищению моей невинности, но не преуспел в том. Чрез несколько дней сделана мне от Сената повестка, чтоб я во оный явился, где мне объявлен ее величества именной указ, чтоб ехать в Оренбургскую экспедицию командиром, которая экспедиция учреждена в 1735 году для новоподдавшегося киргиз-кайсацкого кочующего между морей Каспийского и Аральского народа и для распространения коммерции, утверждения от того степного народа границы; а в каком состоянии я нашел тамошние дела, что преуспел, то ниже показано будет.

По содержанию того высочайшего повеления отправился я с покойным по невинности моей духом; но в несчастье таковое приведенная жена моя с самого сего дня поверглась во уныние, и от того никаким советом ее я извлечь не мог, от чего и почувствовала тяжкие болезненные припадки. Прибыл я, наконец, с нею и с детьми моими, Анною и Николаем, в Самару, в котором, на Волге лежащем городе, все командиры той экспедиции имели свое пребывание, а граница оставалась вся неукрепленною, кроме некоторого малого числа крепостей по Самарской и Яицкой линиям, и главнейшая из тех крепость, именуемая Оренбург, а после мною переименованная Орскою, на реке Яике, была окружена забором из плетня, осыпанным земляным бруствером, и снабжена малым числом гарнизона. В ту крепость Орскую по однажды в год езжали командиры со многочисленным конвоем, потому что по всей той линии регулярных команд нигде не было, кроме беглых крестьян, названных казаками, в некоторых местах населенных, а в зиму и вовсе коммуникация с Яицкою линиею пресекалась.

Уведав о всем том, первую должностию почел осмотреть все места и положения той линии; почему того ж 1742 году по оным и ездил и, сделав примечания, определил: заведенные селения и вновь мною на пустых и удобных местах назначенные укрепить по правилам фортификационным и, от степного народа к обороне достаточным, снабдя все те места гарнизоном из регулярных, артиллериею и пороховыми казнами, а прежде меня названную крепость Оренбургскую переименовать Орскою по близости реки того названия, укрепить валом с бастионами. К переименованию ж имени сей крепости,

и что я за главную к торговле ту не мог назначить, были таковые причины: 1) то место безлесно; 2) построена на поемном месте и по сему к житью нездорова; 3) для произведения торговли, по отдаленности и по опасности в проездах купцам российским, неспособная; 4) в проезд к той крепости по пустым местам всегда подвержены были купеческие капиталы граблению от киргизцев, что и ежегодно исполнялось. Для всех сих обстоятельств и более для ближайшего надзирания над склонным к бунтам башкирским народом, внутри тех линий поселенным, избрал я место ниже по течению реки Яика прежде означенной главной крепости 250 верст и основал тут крепость, которую и наименовал, следуя первому названию, Оренбургом. О всем вышеписанном донес я как в Сенат, так и в Коллегию иностранных дел, от коих и получил во всем том апробацию. Возывем тоё, было мое старание привести тот город в порядок, как для безопасности жителей, назнача оный оградить рвом и валом с каменною одеждою в цирконференции без мала 5 верст, и снабдить достаточным гарнизоном и поселянами, для коих, как и многие публичные строения, построил я из казны, приманивая купцов из Самары и из других мест разными выгодами; а как во всяком случае лучший пример к снесению труда может подать командующий, то я сам на том месте жил в палатках до ноября месяца, имея только для дочери моей кибитку, а для себя обыкновенную землянку, каковые и у последнего жителя были, и не прежде в построенный командирский дом вошел, как и все жители — в их дома, а гарнизон — в казармы, и более уже (по прежнему обычаю командиров) в Самару, то есть в Русь, не возвращался. Сие исполнив, обратил я мое внимание на приманивание к торговле купцов из России, также и азиатцев. О первых писал я во все магистраты, уверяя, что польза собственная их из слов моих будет свидетелем; а для вторых посылал я за границу грамоты, приглашая как киргизцев, так хивинцев, ташкенцев, кашкарцев, трухменцев и бухарцев к торговле, обнадеживая и сим их пользою. В сию посылку употреблял я магометан, татар слободы Сеитовой; и как сей народ легко ослеплен быть может корыстию, то я сих татар и наградил изобильно и обнадежил, по исполнении их комиссии с успехом, наградить еще более*, кои, получа первое и льстясь последним, столь усердно по всем тем областям старались, что с 1745 году знатный торг в Оренбурге возымел начало, так что я уже в состоянии был, вместо получаемых от начала той экспедиции ежегодно до 30000 р. из казны, содержать оную от доходов пошлинных; а сверх того, ввезено торгом в Россию

* Слобода Сеитова под Оренбургом на реках Сакмаре и Каргале основана Неплюевым в 1744 году и первоначально была заселена зажиточными торговыми людьми из казанских татар.

вошедшего в объявлении с лишком 5000 р. серебра, а более того числа вошло, кое не было в объявке, и не мало золота, а пошлинный сбор доходил до 50 тысяч в год. Прежде меня от бывшей коммерции никогда трех тысяч в год не приходило.

В 1743 году ездил я выше той Орской крепости, вверх по рекам Яику и Ую, которое расстояние от заложенного мною Оренбурга с лишком 700 верст, на коем, кроме Верхояицкой крепости, по всей линии никакого не было укрепления и селения. По удобным местам назначил я созидать крепости и редуты и те снабдил гарнизонами и всем потребным; к размножению ж торгова за полезное признал и на Уйской линии построить одну крепость познатнее для того, что к той реке прилегают киргизцы Средней Орды, коим в Оренбург на торг ездить, за отдаленностью, не было удобно, а более для обуздания башкирцев Ногайской дороги. Все сие мое учреждение получило апробацию; а я, видев делам моим успех в пользу отечества, был совершенно доволен и спокоен, забыв ту прискорбность, с коею в сию экспедицию прибыл. На возвратном моем пути с верхней линии перевозмогла грусть жену мою, которая в том же году в Орской крепости преставилась. Я спешил удалиться с сего места, что и исполнил, отдав ей последний долг пристойным погребением.

В 1745 году представил я о переименовании сей экспедиции в губернию и о приписании ко оной от Казанской, Уфимской и от Сибирской Исецкой провинций, что также апробовано. Во многих местах лежавшие от начала праздно в недрах земных минералы старанием моим сделались открыты; а по сему и желающие явились заводить разные заводы, коих польза, как общая, так и частная заводчиков, всем уже известна, почему я описывать то оставляю.

В 1750 году дозволено мне было, наконец, у двора на время явиться, дабы трактовать со мною по представлениям моим о начатии торгова в Индию; почему я в Петербург и приехал. И в сию бытность, следуя воле моей, женился сын мой Николай на дочери Санкт-Петербургского обер-коменданта, князя Федора Васильевича Мещерского, Татьяне, что и исполнилось мая 30 числа 1751 года, а в том же годе, в день торжества восшествия на престол, пожалован я действительным тайным советником и отправлен обратно в Оренбург, не возымев, к огорчению моему, успеха о начатии предпринятого мною в пользу России торгова с Индию. Возвратясь в Оренбург, пребывал там во исполнение по всей возможности моего долгу спокойно.

В том же 1751 году сын мой, Николай, бывший сержантом, атестован и в докладе написан в подпоручики кадетского корпуса, по прошению моему выпущен в поручики армейских полков и определен в мою команду, почему и причислен мною в должность генерал-адъютанта.

В начале 1752 года, по имянному указу, пожалован капитаном сын мой и прибыл с женою и двумя его сыновьями, Иваном и Николаем, ко мне в Оренбург и употреблен мною к правлению дел как по воинской команде и заграничной экспедиции, так и к сочинению по всем тем и губернским делам от меня в Сенат, в коллегии Иностранную и Военную представлений, а сверх того, будучи я уже дряхл, вместо себя посылал его в разные места делать примечания для бессомнительного и вернейшего моего познания.

В 1754 году родился мне третий внук, коего я наименовал Самсоном по той причине, что прадед мой был того имени, который, будучи выгнан от родного своего брата из наследного ему дома, дожил век свой в недостатках терпеливо, но Провидение, награждающее смиренных и наказующее злых, не токмо тому праведному Самсону принадлежащую, но и брату, обидевшему его, части доставило отцу моему.

В 1755 году 13 числа преставился внук мой Николай, всякого портрета к сыну моему лицом сходнейший, а в том же годе июля 20 дня скончала жизнь и невестка моя, Татьяна Федоровна. Скорбь, сею утратою сыну моему причиненная, потому что они жили столь согласно, как редко и примеры бывают, меня сокрушила. Стараясь его удалить от предмета, им столь любимого, примыслил о отправлении его вверх по линии осмотреть вместо себя как оную, так и внутри живущих башкирцев, нет ли им от кого обид, что я и почасту чрез него, сына моего, дельвал; и как только объявил о сем пути, то в ту ж ночь приключилась мне пружестокая горячка, и хотя жар мой пушанием крови и убавлен, но продолжаясь, умножал мою слабость, почему я и принужден нашелся отменить отправление сына моего. На третий день после сего получил я из Исецкой провинции репорт, что башкирцы Ногайской дороги, убив всех присланных от Кабинета для сыскания к фарфоровому заводу глины и каменотесцев, все взбунтовались по рассеянному во всех местах и почти в один час возмутительному письму, коего сочинитель был один из их духовных, именуемый Батырша, который имел в рассеянии того почти всех духовных себе помощниками; причины в том по их суеверию показаны, что они состоят правоверные под игом безверного христианского народа, и чтоб каждый верящий в Бога и последующий праведному Магомету принял в защищение закона оружие, хотя бис погибелью каждого и всех в рассуждении могущей встретиться превосходной силы, но зато несумненным награждением обещанных благ в Алкоране; а в самое ж то время посланы от него, Батырши, как в Казанскую губернию к татарам, так и киргиз-кайсацкому народу, кочующему за Яиком, таковые ж письма, в коих назначен был день и час к начатию сего возмущения; почему вдруг по предписанному времени весь башкирский народ взбунтовался. Оный

башкирский народ с начала подданства царю Ивану Васильевичу, по их природному зверству, прежде бытности моей в разные времена бунтовал 6 раз; а киргизцы начали производить набеги за границу как для погубления россиян, так и для вспоможения башкирцев. Все сие, как выше я сказал, приключилось во время тяжелой моей болезни, но, к счастью, оставившей мне память к принятию мер потребных, кои состояли в том, что я послал ордеры:

1) Во все по линии крепости и редуты о наблюдении к защищению должной предосторожности; в случае возможности о делании поисков над злодеями.

2) О немедленной высылке из яицкого войска тысячи человек казаков.

3) К находящимся команды моей армейским трем драгунским полкам — Московскому, Троицкому и Ревельскому, чтоб немедленно внутрь Башкирии вступили и тамо делали поиски, не щадя не токмо жилищ, но самых башкирцев, жен их и детей для укоренения страха к недопущению сему злу распространиться.

4) В Казанской же губернии пребывающим четырем армейским полкам писал я, что хотя они и не в моей команде, но начинающееся зло есть такого рода, что каждый по должности и присяге обязан быть послушным начальнику, как-то мне, в губернии, в которой оно открылось, и потому я высочайшим ее императорского величества именем командирам тех полков определяю поспешить приходом своим в Оренбургскую губернию, а в случае паче чаяния их ослушания подвергнут себя командиры тягчайшему по законам штрафу; по приближении ж каждого полка найдет командир в предписанных местах себе наставление, куда следовать и что делать, — каковые наставления от меня во все места, куда тем полкам по способности следовать надлежало, с нарочными офицерами, знающими внутренность положений башкирских жилищ, и разосланы.

5) Наместнику Калмыцкого ханства Дондук-Тайше писал я, скрыв однако ж от него башкирское возмущение, чтоб он прислал тысячу человек калмык по причине умножающихся от киргизцев наглостей, которым киргизцам те калмыки были, есть и будут по ненависти, врожденной в них, неприятелями.

6) На Дон к атаману писал я, чтоб прислал немедленно тысячу человек казаков.

7) Оренбургских тысячу человек казаков и 500 ставропольских крещеных калмык отправил я по линии в те места, где более киргизских набегов имел причину опасаться, куда и пришедших яиц-ких казаков под командою ландмилицкого Шешминского полка капитана Тимашева, человека мне весьма надежного и во многих случаях о храбрости его, будучи в полках, и в знании, как с сими неприятелями поступать, изведенного.

8) С самого ж начала получения о сем известия писал я к киргизскому Нурали-хану, чтоб он народ свой удерживал от вспоможения бунтовщиков башкирцев, а как оный хан над своими народами не самовластен, то я при том же велел писать и ко всем знатым старшинам моему сыну со обнадеживанием за послушание высочайшей ее величества милости, которой опытом предварительно подтвердил я некоторыми им подарками, а в случае их ослушания пристрачиванием их достойного наказания; тому ж посланному в Киргизскую орду из магометан толмачу были от меня даны секретно сделанные нарочно на татарском языке листы от имени пребывающего в Оренбурге магометанского ими почитаемого знатного духовного такого содержания, что он подвигу своих одноверцев хотя и радуется, но как башкирский народ, о чем и им, киргизцам, известно, вероломный и непостоянный, то он опасается, чтоб оный, возымев успех в своем предприятии с помощью их, киргиз, потом первую жертвою себе назначит их же, киргизцев. Таковы листы посланный мой иногда нарочно обранивал, а иногда по дружбе и отдавал в руки; хотя сие средство, употребленное мною в старшинах и в хане, и имело желаемое действие, но вообще в народе не произвело успеха; ибо тот киргизский народ, будучи кочевой и степной, ко всякому воровству и грабительству наклонный, не внимал никаким увещаниям, а пользовался сим случаем, чтоб наживаться.

9) С получения ж о том бунте ведомости разослал я во всю Башкирию грамоты, коими прощались все бунтовщики, кроме зачинщиков, так что все без малейшего наказания останутся и пребудут при прежних своих вольностях, если с получения сего принесут повинную, а кто помянутого Батыршу, поймав, привезет в Оренбург, тому обещано дать 1000 руб.; а буде из простых, то старшинское достоинство с награждением богато осыпанной каменьями сабли, лисьей шашки и кафтана, а буде кто из последователей его, Баты-ши, 10 человек имянитых его учеников, поймав, приведет, тому дано будет 500 руб.; буде же и за сим милосердым объявлением оный башкирский народ останется в возмущении, то с оным и с женами их поступлено будет как с злодеями, без пощады и малолетних их детей. При сих грамотах разосланы также в Башкирию, от имени предупмянутого в Оренбурге находящегося духовного, нарочно сочиненные мною листы, коими он увещевал к усмирению, а что известный Абыз-Батырша не что иное есть, как прелестник и нарушитель их покоя, что таковое за закон вступление без подтверждения всего их духовенства не может быть согласно с святою книгою Алкораном, а посему и конец сему будет только их погибель; он, якобы сострада об них и по их невежеству сие им упушая, советует, а инако должность его требует их признать за противников закона. По сему и по вышеписанным в Киргизскую орду посланным

письмам, дабы прикрыть и вероятнее показать мною сделанное, принужден был ласкать поминаемого оренбургского ахуна и с ним иногда нарочно в присутствии других магометан о сем возмущении советовать; он, как то и подлинно не глуп, недалеко отходил своими рассуждениями от написанного мною от его имени, хотя он о том и ничего не ведал.

10) Живущим же в Башкирии народам тевтерьякам, мещерьякам, которых башкирцы до вступления под Российскую державу считали своими подданными, послал я тогда грамоты, поощряя их против бунтовщиков башкирцев к вооружению, как то по подданнической должности, так и для собственной своея безопасности; ибо ненависть и гордость против их башкирская им довольно известна, и что главнейшая причина их возмущения есть та, чтоб обратить их в прежнее рабство, а к поимке известного Батырши и его учеников я на них, мещеряков и тевтерьяков, более всех надеюсь; желал бы, чтоб обещанное за то награждение из них кому досталось.

О всем вышеписанном донес я ко двору с курьером, с которым я и получил на все апробацию; но между тем, пока команды в Башкирию доходили и отправленные от меня нерегулярные войска пришли в назначенные места, многое убийство от тех злодеев произошло и с такою свирепостию, что, убивая россиянина, тело его в куски резали, и сожгли завод Александра Ивановича Шувалова. Не могу и сего пропустить молчанием, что при толь к возмущениям неправильным причинам как от того Батырши, так и от всех его сообщников в рассеянных письмах, а по производившимся после допросам, ни одного слова к нареканию моему в управлении ими не написано и не сказано. Разосланные в Башкирию от меня грамоты имели тот успех, что многие, от намеренного зла отстав, приходили с повинными, почему от меня и даваны таковым за мою рукою охранительные указы. Тевтяри и мещеряки с такою ревностию против башкирцев вступились, какой только желать возможно было, а знатнейшие их старшины отправили от себя для сыскания тех возмутителей таких людей, которые их и в лицо знали. В сей же поиск поехал один престарелый и мною всегда любимый старшина мещеряцкий, коему было более 80 лет от роду.

По приходе ж всех мною требуемых и ожидаемых команд в Башкирию не могли уже бунтовщики во оной остаться, а принуждены нашлись перебираться за Яик, по условию своему, к киргиз-кайсакам, и хотя от меня к пресечению и того приняты меры, но как линия продолжается с лишком на 1000 верст, то во всех местах того отвратить было не возможно, почему башкирцев с женами и детьми перебралось более 50000 душ. При перелазях за Яик многие побиты, а лошадей и имение их, кое при них было, велел я отдавать тем командам, которые при деле были; к чему я употреблял

более некрещеных калмык и донских казаков. Башкирцы, увидя себе к переходу к киргизцам препятствия, обращались в дома и приносили повинную, почему таковые все были прощаемы; но я сим покорением их не успокоился, потому что сие было сделано от них по нужде, и что мне толикаго войска содержать в губернии не всегда возможно, то по сему обратил я мое внимание на искоренение той надежды, которую башкирцы на киргизцев имели, что я и исполнил следующим образом. Послал я грамоты от себя в Киргизскую орду с разными татарами Сеитовой слободы, а в тех было написано, что ее императорское величество, примечая непоколебимую верность к себе киргизского народа, хотя некоторые из молодых людей, и то самая малая часть, попользулись, будучи обмануты башкирцами, делать внутри границ набеги, но сих по их преступлению наказать предоставляет киргизскому хану, однако с тем, чтоб никто из них не лишен был жизни; и сие все писано было для того, ибо хан там, как выше писано, не самовластен и никого не только жизни лишить, но и штрафовать не может, но для лучшего успеха последующих тоя грамоты строк; прочих же того народа милует ее величество женами, и дочерьми, и имением перебежавших к ним башкирцев, но с тем, чтобы мужчины отвезены в Россию или бы выгнаны были из их кочевья, за исполнение чего, сверх того, награждение получит каждый по мере своя в том услуги.

Не успели сии грамоты привезены быть в орду, как склонные к плотскому падению магометане киргиз-кайсаки тем пожалованием желали пользоваться. Башкирцы ж, мужья и отцы, увидев в своих защитниках и обнадеживателях такое над женами их и над дочерьми насильство, принуждены нашлись защищать их с потеряннем жизни, и сим способом погибло не мало башкирцев и киргизцев. Ушедшие из орды, выгнанные присуждены были возвращаться на прежние жилища, потеряв жен и детей и свое имение. На границе ж от меня приказано было таковых пропускать в их жилища, дабы слухом сим отнять у всех башкирцев ту надежду, которую они на киргизцев имели. Многие, потеряв матерей, сестер, жен своих и дочерей, приезжали ко мне просить дозволения переехать им за Яик для отщизнения и воздаяния за обиду обманувшим их киргизцам; я в них более старался влагать к ним ненависти; но чтоб дозволить им в улусы их ехать, того я без указу не могу, ибо довольно с них и тоя милости, что они за возмущение остаются не наказанными, для того, что киргизский поступок с женами их и дочерьми довольно для них наказателен; желая ж еще более вражду между сими народами вкоренить, велел я переводчикам, чтоб они от себя им советовали, что: «Генералу-де ехать вам позволить нельзя, а буде вы и поедете и киргизцев разобьете, так надемся-де взysкивать на вас не будут».

Они, обрадовавшись сему совету, многими партиями собрались и поехали за Яик против киргизцев, которые, плавая в новом сластолюбии и вознадеясь, что разоренные башкирцы не осмелятся о женах и детях своих и помыслить, пребывали беспечно.

Между тем послал я по линии к командирам секретные ордера, что если башкирцы, без семейства и по их обычаю вооруженные, будут за Яик перебираться, то бы они не воспрещали, а притворились бы так, будто того не приметили.

Озлобленные башкирцы обратили всю свою ярость на ближайшие киргизские улусы, многих побили и взяли их жен и детей и весь скот. Хан не умедлил меня о сем уведомить и требовал отмщения, — которым* я отписывать хотя и обещал, но велел сказать хану и отписал к нему письмо, что если бы они** тех злодеев прежде не принимали, то б и сего произойти никогда не могло, и что, сколько мне известно, весь башкирский народ только о том и мыслит, как погублять киргизцев, и если мною не были удерживаемы, то б киргизцы скоро увидели истину слов моих. Пока сей присланный от хана у меня был, то я получил репорт с линии, что киргизцы, более как в 2000 человек, покушались перейти чрез Яик, но встречены будучи некрещеными калмыками и донскими казаками, разбиты, а для верности один из тех киргизцев скованный ко мне прислан. И как некоторая часть киргизцев, желая спастись бегством после того сражения, попала на наехавших для отмщения башкирцев и теми киргизцы почти все переколоты, а остальные гнаны были до их улусов, в которых башкирцы взяли множество лошадей и в дома свои перебрались, я в том письме моем к хану приписал и сие обстоятельство, укоряя его, что если башкирцы и без позволения моего к ним для воровства ездят, напротив чего пленный киргизец показал, что о намерении их, киргизцев, к впадению в Башкирию он, хан, был известен и то апробовал, чему однако ж я не верю и того пленного киргизца, по дружбе моей к нему, хану, отпускаю, дабы он был известителем, как то дело происходило; а при том советую ему, хану, и всем старшинам, чтоб они народ свой вещевали, дабы впредь таких продерзостей делать не отваживались, а инако я принужден буду, к утверждению вновь в верности, башкирский народ обратить к нападению на их улусы и подкреплять оный всеми в моей команде состоящими силами. Сие происшествие положило таковую вражду между теми народами, что Россия навсегда от согласия их может быть безопасна. В Башкирию послал я указы, чтобы отнюдь никто не дерзал без дозволения моего за Яик ездить и что мне неприятно было услышать жалобы от киргизского хана, что некоторые баш-

* Башкирцам.

** Киргизы.

кирцы разорили его улусы, чему я, однако ж, не могу верить; ежели ж кто из башкирцев отныне пойман будет, едущий на добычу в орду, тот или те, и с женами, и детьми, отданы будут киргизцам. Таковое воспрещение принужден я был для того сделать, дабы от умножения их ссор не навелось новых замешательств и затруднений; киргизцам же советовал с их улусами, для убежания от башкирских продерзостей, от границ удаляться, что они и исполнили; внутри ж Башкирии заложил я крепость на реке Зелайре, назвал оную Зелайрскою и снабдил ту немалым гарнизоном и всеми потребностями, определив в оную комендантом надежного и исправного человека, снабдя его секретною инструкциею, что главная его должность состоит в том, чтоб надзирать над башкирцами в наблюдении тишины и спокойствия. И как таким образом все устроено, то, по частым моим подтверждениям в орду и Башкирию, вышеписанный возмутитель сего бунта Абыз Батырша, уже не смея показаться в жилищах, странствуя с учениками своими в лесах, тем престарелым мещеряцким старшиною, о коем я выше упомянул, пойман и отдан Зелайрской крепости коменданту, а тот его переслал ко мне. Я отправил его в Петербург; поймавший его мещеряцкий старшина, ехав ко мне в Оренбург, на дороге умер; но я, желая исполнить мое слово и наградить его за услугу, велел прислать старшего из его детей; почему сын его, 14 лет и будучи только один у него, ко мне и явился. Я, сделав ему кафтан и шапку на свой кошт и придав ему переводчика, для большего уважения заслуги его отца, отправил ко двору, представя и испрашивая, чтоб все обещанное мною, вместо отца, над ним было исполнено; почему он и пожалован, по имянному указу, старшиною на место отцово, а сверх того, дано ему в награждение 1000 руб., сабля, богато убранная камнями, с надписью имени отца его, и что он, за заслуги его, сим награждается, с таковою же надписью серебряный ковш с позолотою в полторы бутылки, кафтан и полукафтанье и кушак пребогатой парчи, шапка черных лисиц, парчовая ж, а сверх того, имел счастье представлен быть к руке ее величества. По получении о сем известия не оставил я дать знать о сем во всю Башкирию указами, также в Киргизскую орду письмом, для показания сим народам, сколь щедро от ее величества заслуги награждаются не токмо над самими теми, но и над детьми их.

В том же году, осенью, всеми вышеписанными средствами приведя я вверенную мне губернию в прежнюю тишину, отпустил я как регулярные, так и нерегулярные команды, кроме яицких казаков, коим определил я зимовать близко линии и Ногайской дороги; а с подробным всего того описанием и для объяснений на словах в начале декабря месяца отправил я ко двору моего сына, по всем сим делам особенно трудившегося и мне делающего помощь, но просить оказать к нему милость я не отважился, а предал то в руки Божий,

в коих содержится, по слову Давидову, и сердце царево, — которых слов и сим случаем оказана истина: ибо ее величество и без моего прошения его в майоры пожаловать изволила, и он возвратился ко мне в 1756 году в августе месяце.

В 1757 году пожалован сын мой по старшинству в подполковники, а во мне с самого времени бунта умножились болезненные припадки, так что принужден был в том же году отправить моего сына в Петербург с прошением об увольнении меня из Оренбурга и от всех дел по той губернии, на что я в 1758 году и получил повеление быть в Петербурге, а на мое место пожалован губернатором тайный советник Давыдов. И я в том же году прибыл в Петербург и был празден до 1760 году, в коем пожалован я сенатором и конференц-министром.

Того ж года в начале, то есть генваря 28 дня, сын мой женился на дочери Александра Львовича Нарышкина, Аграфене, и в 1761 году родилась им дочь Елена, а потом Федосья и Александра, кои все в младенцах скончались; сын же их, Дмитрий, родившийся в 1763 году 16 декабря, остался только один залогом их брака.

В 1762 году купленный мною и пристроенный немалым капиталом дом близ церкви Спаса на Сенной бывшим великим в том году пожаром обращен в пепел; я же возымел случай купить в Миллионной улице дом и дачу близ порогов на Неве у княгини Долгоруковой, а по сему недвижимому имению последний в роде по отце Склаевой, просил ее величество на то дозволения, что имянным указом, не в образец другим, покупать у последних в роде и дозволено.

По причине бытности моей в Сенате был я почасту уведомляем о желаниях великого князя Петра Федоровича, а как все те начало свое брали от людей, жаждущих только своей корысти, с повреждением общей пользы и учрежденного законом порядка, то я тем, присылаемым от него, многократно давал по совести ответы, с желанием несогласные, и через сына моего, к которому он являлся милостив, почасту представлял, по чему то исполнить вредно; и хотя на то время сносилось сие мое усердное представление терпеливо, но в 1762 году, по восшествии его на престол, генерал-прокурор князь Яков Петрович отставлен, а и со мною являемый поступок не лучше подавал мне надежду; сын же мой, после всех от него прежних обещаний, остался не токмо без награждения, но и в презрении, почему я и рассудил чрез канцлера просить об отставке, но и в том отказано было; внук же мой Иван определен в сие время в Конный полк гвардии капралом, чрез несколько дней принцем Жоржием пожалован в каптенармусы по просьбе тетки его двоюродной Анны Никитишны Нарышкиной. В отставке моей получил я отказ и находился в неведении и мучении, чем определится жребий мой и сына

моего кончится; бывал я ежедневно у моего должностного, но немой, ибо никто уже и мнения моего не требовал.

В сем-то мучительном состоянии пребывал я до самого того дня и часа, как Всевышнему благоугодно оказалось утешить опечаленную Россию восшествием на престол императрицы Екатерины Алексеевны, что исполнилось 28 июня. При отшествии ее величества в Петергоф с частию гвардии полков и артиллерии вручен мне был в сохранение дражайший залог отечества нашего, его высочество государь цесаревич Павел Петрович и столичный город Петербург со всеми во оном находящимися воинскими командами, сын же мой взят при ее величестве следовать. По благополучном ее величества из Петергофа возвращении употреблялся я, по милостивой высочайшей доверенности, во все дела; внук мой Иван пожалован князем Михайлою Никитичем Волконским вахмистром; а когда, по принятому намерению, ее величество изволила для коронования и миропомазания на императорский престол отъезжать в Москву, то благоволила помазанница Божия меня в Петербурге оставить, поручив мне в главную команду как сию столицу, так и все оставшиеся воинские команды, и в конторе сенатской повелено мне быть первым присутствующим, а на стол пожаловано мне в месяц по 500 рублей, награда меня при самом отъезде в Селе Сарском орденом Святого Андрея. В сие отсутствие был я счастлив получать собственноручные ее величества повеления, кои все и отданы от меня для сохранения сей монаршей щедроты в род моему сыну; он же, сын мой, послан был от меня в Москву как для познания его жребия, а более для дел по данной мне доверенности.

1763 году апреля 11 числа, по высочайшей милости, пожалован сын мой вице-президентом в Камер-коллегию и того ж года по исходе сюда прибыл, а в том же годе и всемилостивейшая наша мать и государыня благополучным возвращением в Петербург всех обрадовала, и я ежедневные имел знаки ее величества ко мне благоволения и исправлял по всей возможности смысла моего всеверяемые мне комиссии, о которых подробно описывать не настоит моего намерения, ибо я только веду историю о всем том, что ко мне единственно принадлежит.

В 1764 году, июня 20 числа, ее величеству угодно было отъехать в Остзейские провинции, а мне паки поручить в главную команду Петербург и все команды, а его высочество, под смотрением графа Никиты Ивановича Панина, остался в Селе Сарском, и я по-прежнему переехал жить во дворец. По причине бывшей сыну моему лихорадки рассуждаемо было медиками сделать ему движение; почему он, будучи на 29 дней уволен, поехал в новгородские деревни, — я же в течение ее величества отсутствия награждаем был

почасту наполненными милосердия указами и пребывал в желаемом спокойствии и благополучии.

20 числа июля месяца, а в оное пополуночи в 2 часу, был я разбужен по случаю присланного ко мне из Сарского Села от Никиты Ивановича Панина бригадира Савина, через которого он на словах приказал мне следующее, что некто из малороссиян, именован Мирович, дослужившись до офицерства и быв в Слюссельбургской крепости на карауле, предпринял злодейский умысел сделать возмущение, при коем несчастно рожденный принц Иоанн лишился жизни, и хотя он, Мирович, и его сообщники все переловлены и содержатся под караулом, но потребно взять и в столице по сему случаю должную предосторожность и, сие объявляя, он, Савин, от меня обратно в Сарское Село поехал, а я того ж моменту послал к себе позвать правящего генерал-прокурорскую должность генерал-майора князя Александра Алексеевича Вяземского, и пока он ко мне не приехал, отправил нарочного на почте через Новгород к моему сыну, чтоб он, по получении моего письма, тот бы час и ни для чего не отлагая, всевозможно поспешил скорее ко мне возвратиться. По приезде одного князя сделали мы совет, что публиковать о сем происхождении не было нужды, а за нужное признали уведомить всех команд командиров; а о том, что тот несчастно рожденный принц был в Слюссельбурге, мы прежде и не ведали, почему и послал я к себе звать князя Александра Михайловича Голицына, Федора Ивановича Ушакова, Федора Ивановича Вадковского, Семена Ивановича Мордвинова и Николая Ивановича Чичерина и о сем им сообща, рекомендовал, чтоб каждый в своей команде делал примечания о порядке и о спокойствии имел бы попечение.

С самой той минуты, как я Савиным разбужен был, находился я в превеликом беспокойствии, ибо Сам Бог — сердца моего зритель, что я здравие и благополучие всемилостивейшей государыни моей в тысячу крат дороже считал моей жизни, а о происхождении и намерении сего злодеянина я более, как выше сказал, ничего не ведал; а происходило о том следствие от Никиты Ивановича чрез посланного от него в Слюссельбург генерал-поручика Веймарна. От сего времени почувствовал я вдруг ослабление глаз, так что я и в очках уже худо стал видеть и чрез короткое потом время лишился совершенно зрения, о чем ниже будет писано. Сын мой возвратился из деревни, коего я ожидал с великим нетерпением.

Богу сохраняющую к благополучию России обладательницу нашу, соизволила ее величество возвратиться благополучно в Санкт-Петербург июля месяца 25 числа, а я переехал паки в мой дом и, исполняя по званию моему должность, наслаждался монаршею щедротою; а как зрение мое и вовсе меня оставить приблизилось, посему против желания моего (ибо намерение мое было служить до конца

жизни) принужденным нашелся просить о увольнении меня от всех дел. Милосердая мать отечества, снишед на мою просьбу, наградила меня 20000 рублей и деревнями в Малой России, засвидетельствуя о службе моей милосердыми указами следующего содержания:

Указ нашему Сенату

Тайный действительный советник и сенатор Неплюев, по долговременной предкам, нам и отечеству службе пришел в глубокую старость, всеподданнейше просил, по слабости своего здоровья, увольнения от всех военных и гражданских дел, так как и свободы окончать остатки жизни своя спокойно, где он пожелает. Мы, не токмо совершенно ведая все прошедшее время похвальной его службы, но и сами довольные, имея опыты отличной его верности и усердия к нам и отечеству, всемилостивейше снисходя на его прошение, дозволяем ему, сенатору Неплюеву, по смерть его жить ему свободно от всех военных и гражданских дел там, где он пожелает, и, сверх того, жалуем ему на оплату долгов двадцать тысяч рублей.

Указ нашему Сенату

Всемиловивейше пожаловали мы нашему тайному действительному советнику сенатору и кавалеру Ивану Ивановичу Неплюеву за долговременную службу, а особливо за учиненное им, в бытности его в Оренбурге, знатное приращение государственных доходов, малороссийские волости, Чеховскую и Ямпольскую, со всеми принадлежащими к ним хуторами, деревнями, селами и местечками и принадлежностями, в вечное и потомственное владение. Ноября дня 1764 года.

На подлинном подписано высочайшею ее императорского величества рукою тако:
Екатерина.

По отдании моего за ту высочайшую милость ее величеству рабского благодарения вознамерился я, в надежде воспользоваться теплейшим климатом, отъехать в Малую Россию, в новопожалованные мне деревни, а прежде побывать на моей родине, то есть в новгородских деревнях, поклониться гробам моих родителей, до коих проводить меня испросил я быть отпущену моему сыну.

В новгородских деревнях был я 11 дней и поехал чрез Москву в Украину. В Ямполь прибыл я февраля 6 дня 1765 году. О сих малороссийских деревнях описывать не буду; к счастью ж моему, пребывал в то время в Глухове командир всея Украины граф Петр Александрович Румянцев и с графинею Катериною Михайловною, которые обращались со мною с таковою снисходительностию и ласкою, каковая редко и от родных оказуема бывает; но сие в рассужде-

нии их свойств и не удивительно, ибо он, будучи человек отменного разума, а она — жития добродетельного, воздавали мне тем усердием, каковым я всегда к дому их был наполнен.

Того ж 1765 года в исходе июля месяца сделался мне столь тяжкий болезненный припадок, что я с великою нуждою и едва мог начальные литеры имени и фамилии моей написать к моему сыну, а уже и не надеялся, хотя только того и желал на свете, чтобы его увидеть и с ним проститься; и то письмо, по благодеению графа Петра Александровича, с нарочною штафетою в Петербург отправлено, а я с сего времени лишился совершенно зрения, так что уже солнечного сияния нимало видеть не мог.

23 июля прибыл в Ямполь сын мой и нашел меня при последнем уже издыхании, потому что с самого начала сея болезни я был в беспрерывном жару. Голос его и чрезвычайная моя радость, его осязая, как от сна меня возбудили, и сими-то двумя движениями отворились геморроидальные крови, и хотя от многого течения тех ослаб, но жар весьма умалился, и чрез неделю я уже в состоянии был вставать с постели. По внушению сыну моему всех потребных сведений о Ямполе, и как сии деревни совсем разоренные, то чем их хотя несколько поправить, советовал я сыну моему ехать посмотреть и другие пожалованные деревни, в Переяславском полку лежащие, а он при том возжелал отдать долг на гробе своей матери в Киеве, поехал от меня в начале сентября месяца.

В исходе сего месяца паки тем же припадком я страдать начал и дошел чрез двой сутки в такое же состояние, в каком нашел меня прежде сын мой, почему я и принужден был его звать к себе, а между тем граф Петр Александрович и графиня прислали ко мне доктора и о моем покое и поправлении здоровья столько старались, как бы были со мною единоутробные. Возвратный приезд моего сына вновь оживил меня, а как я пришел в желаемое состояние, то убеждаем я был от него просьбою и слезами, чтоб жил с ним вместе в Петербурге, на что я и согласился, но, однако ж, с тем чтобы жить не в городе, а на даче; вследствие чего я с ним января 8 числа 1766 года в Петербург и приехал и, пробыв у него в доме несколько дней, переехал на дачу, где я и жил по сентябрь месяца; а того 20 числа поехал я в новгородские мои деревни, в село Поддубье, куда и прибыл благополучно.

В исходе декабря месяца приехал ко мне сын мой для свидания со мною на три недели, и с ним господин асессор Баролевский. Тут мы положили намерение отправить внука моего Ивана для обучения в чужие государства, почему он, по воле графа Никиты Ивановича, и послан в Швецию, где и был с лишком 2 года. Утешив он меня в старости, отъехал я 20 числа генваря 1767 году, назнача

прежде места к начатью каменной церкви во имя святого пророка Предтечи Иоанна.

О всех мне припадках и домашних мелкостях описывать не рассуждаю, ибо все деревни и все имения во употреблении его, моего сына, мне ж потребных как деньги, так и прочая провизия от него присылаются. Упражнение ж мое было привести сию новгородскую деревню в такое состояние хлебопашества, чтоб она довольствоваться могла дом петербургский Николая Ивановича и дачу всяким хлебом. Соседи, каковы есть, все ко мне ласковы и ежедневно у меня из них по несколько бывает. Оставшееся затем время провождаю я в слушании книг, для чего и два чтеца при мне содержатся, а ни о каких новостях, ниже о газетах, я уже не желал слышать, потому что считаю себя уже отшедшего от мира.

В 1768 году, в начале декабря месяца, заехала ко мне невестка моя и со внуком Дмитрием и, пробыв у меня 10 дней, отправилась для богомолия в Нилову пустыню. Я уже лишен был того удовольствия видеть черты лица моего внука, но и тем был несказанно обрадован, что мог его осязать.

1769 году возвратился из Швеции в Петербург внук мой Иван, а я просил чрез письмо ее императорское величество о пожаловании его в гвардию офицером и увольнении его вояжировать в чужие государства.

Того ж года в октября месяце выпущен он по имянному указу в армейские капитаны с дозволением ему вояжировать.

В исходе ноября месяца прибыл ко мне внук мой Иван, и с ним майор Рейцентштейн, с которым, по условию моему с сыном, имел он вояжировать.

1770 году, в январе месяце, отъехал он с тем майором из Петербурга, а чрез какие места, где был, как принят и что приметил, о том журнал руки его имеется.

В сем же году посетил меня и сын мой.

Тем же я обрадован от него и в нынешнем 1771 году.

1772 года, в марте месяце, возвратился внук мой Иван из чужих краев и, по совету отца своего (на что и я согласен), отправлен в первую армию и имел с собою рекомендательное письмо к графу Петру Александровичу только от одного графа Захара Григорьевича и заезжал ко мне в апреле месяце; я тут узнал, что он единственно для моего удовольствия обучился во время путешествия италиянскому языку.

В сем же году, июля 24 числа, освящен построенный каменный храм Божий, в который, по желанию сына моего, перенесено тело покойной жены его Татьяны Федоровны, а я и для себя во оном приготовил место.

1773 года, в исходе апреля месяца, получил я с нарочным от сына моего известие, что ее величество всемилостивейше изволила пожаловать его 21 того же апреля в действительные статские советники. Я, как ни был болен, велел вести себя в новую церковь, и со всеми у меня случившимися гостями и домашними моими с коленопреклонением отправляли благодарное молебствие и за здравие нашей милосердой матери и государыни.

В половине июля месяца обрадовался вновь получением ведомости, что внук мой Иван пожалован в секунд-майоры, за что и будет хвала всех благ подающему Богу, и сие тем наипаче, что получаемые мною от него, внука моего, из армии о военных его подвигах (известия) утверждали надежду мою, кою я всегда полагал на него, что увижу в нем усердного слугу отечества, жертвующего ему жизнь.

Октября 4 дня получил я от сына моего обрадовавшее меня даже до слез письмо, коим он меня известил, что ее величество, пекущаяся неусыпно о устроении непоколебимого благополучия отечества, сочетала брачным союзом любезнейшего своего сына, его императорское высочество, надежду российскую, с ее императорским высочеством великою княгинею Наталией Алексеевною и что он, сын мой, всемилостивейше пожалован в Правительствующий Сенат в обер-прокуроры. Сколь я ни слаб был, однако ту ж самую минуту велел себя вести в домовую церковь и, собрав всех моих служителей, принесли благодарное наше с коленопреклонением молебное моление Господу Богу о здравии всемилостивейшей нашей государыни и о ниспослании Его святого благословения на сочетавшихся их высочеств: да утвердит, милуя Россию, Бог корень их во век веков. Сколь ни усилились мои болезненные припадки и сколь я уже был ни безнадежен о моей жизни, однако таковые известия наполняли меня радостью, что судил мне Господь Бог дождать сего в старости моей.

С сего времени начал я покойно приуготавливать себя к смерти; оставалось только мне в таком моем состоянии желать обнять в последнее сына моего и на его руках испустить дух мой, почему я и писал к нему письмо следующего содержания:

«Мой любезный сын Николай Иванович! Святость пророческих слов: дни лет наших яко семьдесят, аще же в силах — семьдесят лет, как я и ныне себя чувствую, исполняется надо мною; се уже приближается век мой и к последнему назначенному времени жизни человеческой, а умножающаяся не токмо день от дня, но и час от часа слабость не только тела моего, но и памяти, предвещает разрушение храмины, в чем я и предаюсь судьбам Всевышнего; ожидаю смерти с должным повиновением и, поколику человеку возможно, спокойным духом; но Он зрит сердце мое и знает, чего еще в

жизни моей желаю, а именно только того, чтоб мне еще прежде кончины обнять тебя в последнее и на твоих руках предать дух мой, и чтоб твои руки закрыли глаза мои; я знаю твою ко мне горячность, уверен о твоём всегдашнем послушании, а сие уже будет и в последнее: утешь меня, буде возможно. Командир твой и особенный благодетель князь Александр Алексеевич* в том тебе помочь может; буде же ты рассудишь, что по новости определения твоего к месту или за чем другим того сделать несходно, то и я предварительно в том с тобою и соглашаюсь, да и по настоящей совершенной распутице как тебе ехать! И так да будет милость Божия над тобою! Октября 17 числа 1773 году».

Сие письмо послано с Лаврентием Бархатовым; по возвращении того посланного и по получении с ним от сына моего письма узнал я о совершенной непроездимости пути и о том по его основательным причинам, что сыну моему ко мне проситься было не сходно, почему, лишась я сей надежды, остаюсь во ожидании смерти. Но признаться должно, что малейшее движение в моем покое предвещает мне вход Николая Ивановича; с ним одним отделяюсь я от должного в моем состоянии богомыслия, а прежде нежели потеряю совершенную память, то желаю отписать к нему еще и начинаю:

«Напрасно, мой любезный сын, надеждою себя ласкаешь увидеть меня живого; чувствую, что уже смерть моя приближается, к чему не столько болезненные припадки, как и лета меня определяют, — в рассуждении чего и печаль твоя должна быть умеренна, в чем я на твое благоразумие и надеюсь; да инако и воле Господней противно. Прежде нежели душа моя от тела разлучится, в должности нахожусь сказать тебе, Николай Иванович, в последнее: Сохраняй святую веру, вразумляй о той детей своих; исполняй же по возможности заповеди Господни. Он Всевышний есть источник всех благ небесных и земных, и веруй в Него никогда не постыдится. Сохраняй в совершенстве верность твою к ее величеству и к учреждаемым от нее и чрез нее наследникам; наблюдай правду во всех твоих делах и поступках, хотя бы иногда и неприятное, что тебе за то понесть случилось; ведай, что Бог и ее величество правды твоя будут покровители: если не в это время, то после чрез них тебе откроется. Люби свое отечество, от коего весь род твой облагодетельствован был и потомки будут, и в защищении того пользы не щади не токмо благосостояния, но и жизни. Я по всей возможности сим шел путем, мой любезный сын, и ты всех лучше знаешь бывшие мне огорчения, сколь я их сносил терпеливо, и наконец Бог, владычествуя всеми, возвал меня в такое состояние, какового только человеку при моих свойствах ожидать было возможно. Наконец

* Вяземский.

скажу: умеряй свою вспыльчивость; она не токмо здоровью твоему вредна, но и познанию каждого дела в точном его виде препятствует; я знаю твое доброе сердце, знаю твои свойства, знаю ж и расположение души твоея и потому спокойнее умираю и скажу тебе еще в последнее: прости, Николай Иванович!

Прошу тебя по смерти моей исполнить все по моему завещанию. Вам, Аграфена Александровна, искренне всех благ желаю. Скажи пожалуй, Николай Иванович, при случае известному господину, что я пред ним никогда виноват не был, в чем и умираю и клянуся; буде ж он меня почитает виноватым, то прошу его Бога ради простить меня, а я ему как прежде, так и ныне всех благ истинно желаю. Дочери моей Анне Ивановне и детям ее и детям дочери моей Марьи Ивановны оставляю Божие и мое благословение, а Михаиле Куприяновичу* искренне всех благ желаю. Заключая ж сие, всем вам совокупно и деткам твоим, Ванюшке и Мите, преподаю отеческое благословение, а к Тебе, Отец щедрот и милосердия, обращаю мою молитву: сохрани их совершить течение сея жизни Тебе угодное в верности к нашей государыне и в пользу отечества. Еще прости, мой любезный сын Николай Иванович; мысленно тебя обнимаю, целую; да будет благодать Господня над тобою; когда любишь детей своих так, как я тебя, представляя мое теперешнее состояние, можешь себе и то представить, сколь горестна моя с тобою разлука, Творцом веленная и Его милосердием; и как мне на суд явиться должно, я наполнил свои мысли, но признаюсь и каюсь в том, что ты меня столько же занимаешь; представление тебя предстоит неотлучно предо мною, а молитва моя о себе препровождается купно и о тебе; не могу больше писать. Боже всякого милосердия, сохрани его так, как я желаю».

* Лунину.

Дополнение неизвестного автора к тексту «Записок» И. И. Неплюева

Сие письмо, как князь Андрей Иванович Мышецкий и Василий Васильевич Татищев писали, диктовал его высокопревосходительство почти трои сутки, как по великой его слабости, так и потому, что он, сказывая оное, многократно плакал и уже инако двух литер имени своего и фамилии приложить к оному не мог, как рукою его водил князь Андрей Иванович.

Сие письмо отправлено с нарочным 29 октября, а в ту же ночь жар усилился, так что не надеялись, чтоб мог до свету продолжиться; но к утру полчасу заснул и пробудившись спросил: «Поехал ли посланный в Петербург?»

3 ноября сделался жар поменее, и притом между прочим были его такие слова: «Кто стучит там? Не приехал ли Николай Иванович? Но зачем ему ко мне и ехать! Я с ним уже простился и все, что имел, сказал, и что бы теперь сказать ему мог? Уже ничего не осталось!» И вздохнувши, помолчав, начал еще говорить: «Если бы он и приехал, то кроме огорчения себе ничего не найдет; я знаю его нежное чувство; он, увидя меня в такой уже слабости, повреждение своему здоровью сделать может, а меня присутствием своим и более отвлечь от моего долга».

При сказывании сих слов текли изобильные слезы, и сквозь оные весьма томным голосом сказал: «Ты, Боже, ниспосли ему Свою милость!» Потом приказал готовиться к литургии и исповедавшись приобщился Святых Тайн, но при том головы, сколько ни старался, нисколько приподнять не мог и затем продолжался до 11 числа ноября месяца, которого в 6 часов пополудни и за полчасу еще спросил: «Будет ли сегодня обедня?» А на ответ, что будет, последнее его было слово: «Помолитесь о мне грешном!» От сея временныя жизни преселился в вечную.

20 числа того ж месяца погребено тело его в назначенном от него самого месте, и на доске по собственному ж его повелению, прежде им к Николаю Ивановичу посланному, сделана следующая надпись:

«Здесь лежит тело действительного тайного советника, сенатора и обоих российских орденов кавалера Ивана Неплюева. Зрите! Вся та тщетная слава, могущество и богатство исчезают, и все то покрывает камень, тело ж истлевает и в прах обращается. Умер в селе Поддубье, 80 лет и 6 дней, ноября 11 дня 1773 году».

Воспоминание И. И. Голикова об И. И. Неплюеве

Остатки достохвальной жизни своей сей питомец Петра Великого препровел в деревнях своих в богомыслии, в приведении хлебопашества в лучшее состояние, в устроении блага крестьян своих и в наставлениях сыну и внукам своим. Все окружавшее жилище его дворянство находило удовольствие ежедневно наслаждаться его же наставлениями и рассуждениями за столом его.

Сей достопочтеннейший муж имел разум твердый и тонкий, деятельность неусыпную, решимость в делах скорую и основательную, правосудие строгое и никакими пристрастиями и интересами непоколебимое. Сие между прочим и то одно доказать может, что он никогда ни от кого, ни за какое дело ничего не взял, и никто не смел к нему показаться ни с какими подарками; засвидетельствуют сие все бывшие под его начальствованием. Доступ до него был всякому невозбранный; выслушивал он каждого с внимательным терпением; интересы отечества предпочитал он самой жизни и благосостоянию своему, и правило его было служить оному до последнего изнеможения сил; а потому и несносны были ему все, а паче в молодых годах оставляющие службу и выходящие в отставку; защищал всегда равностно самодержавное, как наилучшее из всех других, правление и исполнял с благоговением волю верховной власти; к памяти Петра Великого имел беспредельное почитание и имя его не иначе произносил, как священное, и почти всегда со слезами; веру и благочестие соблюл до конца ненарушимо и не выезжал никогда со двора, не отслушав святыя литургии, которая в домово́й церкви его ежедневно отправлялась; был враг вольнодумства, суеверия, ласкательства и потаковщиков; всякие несчастья и прискорбности сносил с благодарением Богу, веруя несумненно провидению Его, управляющему жребием смертных; искренность сердца его изливалась и на язык его в делах, тайности не подлежащих; сему последнему послужит доказательством и одно следующее. Когда лишился он зрения и силы его телесные ослабели и, следовательно, продолжать служение более не мог, то написав просительное к императрице письмо о увольнении своем от службы, поехал с оным в день воскресный на куртаг во дворец; его подвели к ее величеству; великая сия монархиня, почитавшая его добродетели, посадила его подле себя, и старец заговорил, что он ослеп и не может исправлять должности службы. «Я разумею тебя, — сказала на сие великая Екатерина, — я разумею тебя, Иван Иванович; ты, конеч-

но, хочешь проситься в отставку; но воля твоя, я прежде не отставлю тебя, пока не отрекомендуешь мне на свое место человека с таковыми же достоинствами, с каковыми и ты». Толь лестная монархини речь тронула его даже до слез. Что ж он отвечивал на оную? «Нет, государыня, мы, Петра Великого ученики, проведены им сквозь огонь и воду, инако воспитывались, инако мыслили и вели себя, а ныне инако воспитываются, инако ведут себя и инако мыслят; итак, я не могу ни за кого, ниже за сына моего ручаться». Сей добродетельный старец рассказывал сам сие мне по приезде из дворца, прибавя к тому: «Тут все были, но мне что за нужда? Я сказал, что чувствовал».

Впрочем все описанные мною добродетели его известны были мне совершенно, и могу сказать, что все движения сердца его не могли от меня быть сокрытыми; ибо имел я счастье быть им любим и более двадцати лет жил с ним почти неразлучно, в течение которых почти ежедневно наслаждался утренними его с собою разговорами и рассуждениями, открывавшими мне все чувствования души его.